

ОГОНЁК
№ 11 МАРТ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1954 МАРТ 1954
14
ВОСКРЕСЕНЬЕ
День
выборов
в Верховный
Совет СССР

Молодежь колхоза «Пламя», Московской области, едет на встречу с кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

Фото А. Гаранина.

На первой странице обложки: Ленинград. У избирательного участка № 56 Ждановского избирательного округа.

Фото Н. Ананьева.

На последней странице обложки: Зимой в Одесском порту.

Фото О. Кнорринга.

ОГОНЁК № 11 (1396) 14 МАРТА 1954

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПРОГРАММА МОЩНОГО ПОДЪЕМА

На просторном дворе Сталинградского тракторного завода стоят, выстроившись в несколько рядов, тракторы, только что сошедшие с конвейера. Подъемный кран, подхватывая машины стрелой, бережно несет их к железнодорожным платформам. Очередная партия тракторов «ДТ-54» направляется в районы освоения целинных земель Казахстана.

Эшелон за эшелоном уходит на восток, туда, где уже нынешней весной предстоит распахать и засеять свыше двух миллионов гектаров целины, а в летнее время подготовить под урожай будущего года еще несколько миллионов гектаров. Через два года на степных просторах Сибири и Казахстана, Урала и Поволжья должно быть освоено дополнительно не менее тринадцати миллионов гектаров земель.

Освоение земель наряду с повышением урожайности зерновых культур во всех районах страны играет важную роль в увеличении производства зерна. Об этом сказано в постановлении Пленума ЦК КПСС, принятом 2 марта по докладу товарища Н. С. Хрущева.

Сентябрьский Пленум ЦК КПСС выдвинул самую насущную в современных условиях всенародную задачу — на базе могучего роста социалистической индустрии в ближайшие 2—3 года в достатке удовлетворить растущие потребности советского народа в товарах народного потребления и обеспечить сырьем легкую и пищевую промышленность.

Уже проделана значительная работа по созданию необходимых условий, которые позволяют добиться мощного подъема всех отраслей сельского хозяйства. Благодаря мерам экономического поощрения доходы колхозов и колхозников увеличились больше чем на 13 миллиардов рублей.

В МТС направлено более 100 тысяч агрономов и зоотехников, около 50 тысяч механизаторов возвратилось в МТС, кадры специалистов приблизились к решающим участкам сельскохозяйственного производства.

Последний Пленум ЦК КПСС принял важнейший документ — постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». Это постановление представляет собой широкую программу мощного подъема зернового хозяйства, борьбы за высокие урожаи всех сельскохозяйственных культур, за рост поголовья скота и повышение продуктивности животноводства.

«Колхозный строй,— говорится в постановлении,— передовой общественный строй. Колхозы обладают безграничными возможностями для подъема сельскохозяйственного производства. Но для того, чтобы полностью использовать эти возможности, необходимо серьезно улучшить руководство колхозами, добиться подъема всех без исключения колхозов до уровня передовых».

Знаменательные дни переживает сейчас наша страна. Подготовка к выборам в Верховный Совет Союза ССР ознаменовалась всенародным трудовым подъемом. Тысячи энтузиастов, принадлежащих к молодому советскому поколению, откликнулись на призыв партии, с готовностью поехали на освоение целинных земель.

Советские люди горячо одобряют решение Пленума ЦК КПСС. Вооруженный этим решением, наш народ добьется новых успехов, превратит 1954 год в год мощного подъема сельского хозяйства.

Фото Ю. Яковлева.

ЗАДОР

З. ХИРЕН

Галина Евгеньевна Буркацкая.

1

Передать во всех подробностях содержание этого разговора трудно, да и вряд ли в том есть необходимость. Началось все с того, что молодой инженер, приехавший недавно из Киева на постоянную работу в МТС, вспомнил, как перед самым отъездом на село целый день бегал по городу, разыскивая баллоны для газовой плиты. Наконец раздобыл их, погрузил на машину, и вот теперь, на новом месте, сослуживцы ему завидуют, точнее, жене его. Все только и говорят о том, что она готовит обед с тем же комфортом, что и в городе.

Выслушав все это, Галина Евгеньевна Буркацкая вдруг спросила: видел ли когда-нибудь инженер простой ухват, или, как на Украине говорят, рогач, которым ставят в печь и достают горшки?

— Поели бы нашего борща и не стали бы тогда возиться со своей газовой плиткой. Почему? Очень просто: кто же не знает, что обед, сваренный в деревенской печи, куда вкуснее!

Происходило все это вечером, в номере одной из московских гостиниц, куда, вернувшись из Кремля, собралось несколько земляков Галины Евгеньевны, приехавших, как и она, на Всесоюзное совещание работников машинно-тракторных станций. Были тут агрономы, трактористы, председатели колхозов. Все понимали, что Галина Евгеньевна — уж вовсе не такая поборница рогача. Председатель одного из выдающихся на Украине колхозов, она ведет хозяйство, оснащенное самой современной техникой, в артели у нее работают десятки тракторов и комбайнов, широко применяется электричество, механизируются все новые и новые процессы труда.

К этому следует прибавить, что вскоре после избрания ее председателем она стала учиться заочно в сельскохозяйственном институте, уже перешла на четвертый курс, что по ее примеру — и не только примеру, но настоянию — поступили учиться и другие председатели. Словом, ни в коем случае не скажешь, конечно, что эта женщина придерживается известной поговорки: «С ухватом баба — хоть на медведя». А вот к газовой плитке придралась. Казалось, что зазорного в том, если инженер, переезжая из города в деревню, побеспокоился о благоустройстве новой квартиры! Пожалуй, этим даже как бы подчеркивалось его намерение прочно осесть на селе. Такая мысль не могла не родиться и у Буркацкой, но ее огорчило, что молодой специалист не с того конца взялся за дело. «Поймите,— говорила она на другой день,— будут газовые плиты и на селе. Даже кое-где они как будто уже имеются, но разве в них сейчас главное, разве подобного «новаторства» ждут колхозники от инженера, приехавшего к ним из города?»

«Может быть,— подумал я,— Галина Евгеньевна так строга к молодому человеку, потому что, переехав в свое время из города в село, она совсем с иного начинала там свою жизнь?» Так, повидимому, оно и было, и, пожалуй, следует о том сказать несколько подробнее.

Случилось мне несколько лет тому назад быть в селе Геранимовке, Черкасского района, когда туда прибыла из Харькова к семидесятипятилетней колхознице Агафье Евтуховне Буркацкой внучка Галина Евгеньевна с двумя малышами. Приезжая объяснила мне, что тут родилась. После замужества жила в Харькове, муж погиб на войне, и вот она, побоявшись, что у нее не хватит сил воспитать двух детей, приехала к Агафье Евтуховне, рассчитывая детей оставить у нее, пока не устроится в городе на работу.

Но не предполагала эта женщина, что Геранимовка так сильно пострадала от войны. А тут еще на беду нерадивый председатель развалил колхоз. Колхозников самым бессовестным образом обсчитывали. Никто не мог вспомнить, когда в последний раз получал деньги за трудодни. Все это, конечно, коснулось и жизни старушки Агафьи Евтуховны. Она еле перебивалась, и нечего было надеяться на ее помощь. Галина Евгеньевна стала собираться с детьми в обратный путь. Перед отъездом пошла рассказать обо всем в райком партии. Там ей ответили, что обо всех безобразиях им известно, что в колхозе скоро состоятся досрочные выборы правления, но тут же намекнули, не думает ли она, что, как коммунистка, совершает непоправимую ошибку, уезжая из села. Она не ожидала подобного вопроса, растерялась, стала что-то бормотать о том, что давно оторвалась от сельских дел. И все-таки после долгих раздумий вновь пришла в райком и сказала, что останется в колхозе.

Трудилась она, как и все женщины: возила в поле навоз, подносила мешки с семенами к сеялке; тогда еще комбайнов у них не было, и она ходила жать, ухаживала за коноплей. Ее избрали секретарем партийной организации. Галина Евгеньевна как-то сразу стала душой всего колхоза. К ней приходили советоваться по самым сложным и запутанным делам. Выдвинули в бригадиры, и тут многого она добилась. По настоянию Буркацкой прислали нового бухгалтера. Он оказался честным, знающим работником, вникал не только в бухгалтерские дела, но и во всю колхозную жизнь. Народ избрал его своим председателем. Но, как и прежде, Галина Евгеньевна принимала горячее участие во всем. Тут можно было рассказать много волнующего о том, как люди, которые еще недавно относились равнодушно к колхозным делам, сейчас работали не покладая рук, вносили новое, интересное. Геранимовка, считавшаяся даже среди самых глухих сел Черкасского района захолустьем, стала известна своими высокими урожаями пшеницы и конопли.

Когда через два года председателю поручили в районе новую работу и он вынужден был уехать из села, вместо него — то было единодушное мнение всех колхозников — избрали Галину Евгеньевну. Был я в Геранимовке и в тот зимний вечер, когда выбирали председателем Буркацкую. Только что окончилось собрание. Непрерывно хлопала дверь сельского клуба. Веселыми, громко разговаривая между собой, люди выходили на улицу. С деревьев сыпался на лица иней. У всех изо рта валил белый пар. Женщины толпились возле Галины Евгеньевны, которую только что избрали председателем. Большой пуховый платок сполз на плечи и развевался на ветру. Кто-то из колхозниц схватил концы его и заботливо связал крепким узлом. Лицо у Буркацкой раскраснелось. Сквозь слезы пыталась она что-то сказать, но вокруг стоял шум, снег скрипел под ногами, и ничего нельзя было разобрать. Можно лишь было догадаться, что, наверное, она просила помогать ей, дружнее жить, держаться вместе, почаще делиться своими думками...

Спустя некоторое время началось выдвижение кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР, и колхозники назвали имя своего нового председателя.

Теперь Галину Евгеньевну Буркацкую в стране у нас знают многие. Не раз слышали мы ее выступления на сессиях Верховного Совета СССР Она написала интересное исследование о своем колхозе, который за эти годы достиг таких замечательных успехов, что сюда приезжают учиться из многих областей нашей страны и даже из-за границы.

...Слушая, как она отчитывала молодого инженера, нельзя было не вспомнить обо всем этом. Признаться, молодой инженер своими рассказами о газовой плитке совсем некстати прервал разговор, увлекший до этого всех присутствующих. Говорили же в тот вечер об «орловских» землях, на которых происходят настоящие чудеса. «Орловскими» называли их не потому, что они расположены на территории Орловской области, а по фамилии председателя колхоза «Рассвет» Кирилла Прокофьевича Орловского, которого, как и Галину Евгеньевну, вновь выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. В действительности эти земли находятся в Белоруссии, в Кировском районе, Могилевской области.

— Нет, вы только подумайте, — слышался звонкий голос Галины Евгеньевны, — мы сидим у себя в Геранимовке, Дахнивке, Василице, воображаем, что сам черт нам не брат (как же, колхозники получают, помимо продовольствия, десять рублей деньгами на трудодень), а почти по соседству с нами, в Белоруссии, в селе Мышковичи, живет израненный на войне человек, переживший, может быть, больше всех нас, и вот у него в колхозе люди получают и продуктов много да плюс еще деньгами вдвое больше, чем у нас! Знаете, что я вам скажу: случись подобное где-нибудь на Кубани или в Ставропольщине, меня бы не взял такой задор, но то ведь Белоруссия с ее вечными болотами, лесами...

По всему было видно, что больше всего озадачил Галину Евгеньевну двадцатирублевый трудодень Орловского. По собственному опыту она знала, что такие вещи просто не делаются. Их геранимовские земли, например, считались когда-то неплодородными, пшеницу там вовсе не сеяли, а кукурузы снимали не более десяти — тринадцати пудов с гектара. Немало пришлось поработать, пока добились, что даже при неблагоприятных метеорологических условиях последнего года убрали по двадцати одному центнеру пшеницы с гектара и по сорок четыре с половиной центнера с гектара кукурузы. Значит, в «Рассвете» еще больше потрудились.

Галина Евгеньевна, никогда не отличавшаяся излишней восторженностью и поспешностью в решениях, все же старалась прикинуть, подсчитать, какие отрасли хозяйства — а их у нее в колхозе немало — следовало бы подтянуть, развить.

— Нам не очень-то легко все дается, — сказала она, — но тяжело — это одно понятие, а возможно — совсем другое. Не скрою, возможности у нас есть, возможности богатей-

шие, но надо вызвать их к жизни. Вот смотрите...— И она показала на сложные вычисления, по которым можно было получить представление о том, как колхоз, заботясь об увеличении продовольствия для страны, в то же время достигает повышения денежного дохода колхоза, значит, и на трудодень больше достанется.

— Цифры, цифры, — смутилась Галина Евгеньевна, заметив, что я заглядываю в тетрадь. — Главного вы тут не прочитаете.

— Что же, по-вашему, теперь в деревне главное?

— Главное, скажу вам по секрету, — отвечает она, — вызвать к жизни богатейшие возможности, главное — работать так, чтобы всех брал задор, вот как тот белорусский председатель. Вам бы и к нему, по-моему, неплохо сходить.

2

Бывают же такие совпадения. Прихожу к Кириллу Прокофьевичу Орловскому, а у него в гостях молодой специалист. Галина Евгеньевна с инженером беседовала, а Орловский — с агрономом, который оставляет работу в министерстве и едет к нему в «Рассвет». Видимо, дело тут не в совпадении. Просто все больше и больше специалистов едут из города на село, и, естественно, председатели колхозов, колхозные вожаки, можно сказать, генералы и маршалы колхозных полей, стараются поближе узнать своих новых помощников, предупредить их обо всех подводных камнях, которые могут попасться на их пути, рассказать, куда они едут, что ожидает их на новых местах.

Кирилл Прокофьевич как раз посвящал в этот момент молодого человека в дела «Рассвета».

Внешность Кирилла Прокофьевича, пожалуй, Галина Евгеньевна нарисовала правильно. Был это среднего роста человек, с высоким, красивым лбом, на котором сохранились шрамы от ранений. Когда Орловский улыбался, на щеках его образовывались две задорные ямочки. Но чаще лицо его оставалось суровым, и тогда, признаться, не верилось, что человек этот может так весело и задорно смеяться.

На Кирилле Прокофьевиче был свежий офицерский китель без погон. Мягко ступая своими новенькими валенками, он то и дело подходил к окну, думал о чем-то, затем вновь возвращался к дивану и продолжал разговор. Был он в ударе, рассказывал с увлечением и, видимо, стараясь кого-то изобразить, закрывал то один, то другой глаз.

Речь шла о том, что, когда в прошлом году решено было отвести в колхозе пятьсот гектаров под лен, возникло немало сомнений. Одних смущало, что это слишком трудоемкая культура и не вытянуть такой огромной площади, другие опасались, что это может нарушить севооборот. Собрали заседание правления, на котором Кирилл Прокофьевич доложил обо всем, закончив, что за один год можно будет увеличить денежный доход колхоза почти в два с половиной раза. Это более десяти миллионов рублей. А колхозники будут получать на трудодень по двадцать — двадцать пять рублей. «Можем ли мы в течение всего этого года добиться выполнения плана?» — спросил Кирилл Прокофьевич.

— Против не было, — смеется Орловский, обращаясь к агроному. — Понимаешь, против не было. Но сомневающиеся нашлись. Ничего не поделаешь. На то у крестьянина критический ум. Пришлось опять собрать правление и закатить речь. Говорю: в сельском хозяйстве ничего «на ура» не берется. Давайте опять считать, как говорится: семь раз отмерь, а один раз отрежь. А нам с вами под лен здоровый кусище отрезать надо — пятьсот гектаров, не шутка. В старину, помню, когда мальчишкой бегал, у нас у всех крестьян в Мышковичах льна набиралось не больше десяти гектаров. У каждого хозяина было его с гулькин нос — так только, чтобы детям на штаны да на сорочки хватило.

Восемнадцать человек выступило на этом собрании, а присутствовало девятнадцать. Смотрю, кто же еще не выступал. Оказывается, Андрей Григорьевич Корзун. У него, знаете, один глаз всегда закрыт, а тут он взял да второй прихлопнул,— Кирилл Прокофьевич как раз в это время и заморгал глазами, демонстрируя собеседнику, как Корзун «прихлопнул» свой глаз.

— Думаю: заснул человек, но куда там! Разве на таком бурном заседании заснешь? На всякий случай погромче говорю: «Андрей Григорьевич, а, Андрей Григорьевич, как твое мнение?» Молчит. Неужто, в самом деле, заснул? Опять к нему с вопросом. «Я не знаю,— отвечает он глухо, как будто из погреба, хотя сидит-то он тут же, напротив меня,— я не знаю, день теперь или ночь», — а сам глаза

Кирилл Прокофьевич Орловский.

ПО 16 СОЮЗНЫМ РЕСПУБЛИКАМ

Во всех шестнадцати братских союзных республиках за четыре года, прошедших со времени прошлых выборов в Верховный Совет Союза ССР, произошли знаменательные события: вступили в строй крупные промышленные предприятия, озарились огнями электростанций колхозные села, новой техникой вооружено сельское хозяйство, открыты культурные учреждения, многое сделано для повышения материального благосостояния и культурного уровня народа.

В сегодняшнем номере «Огонька» отражены некоторые из этих событий.

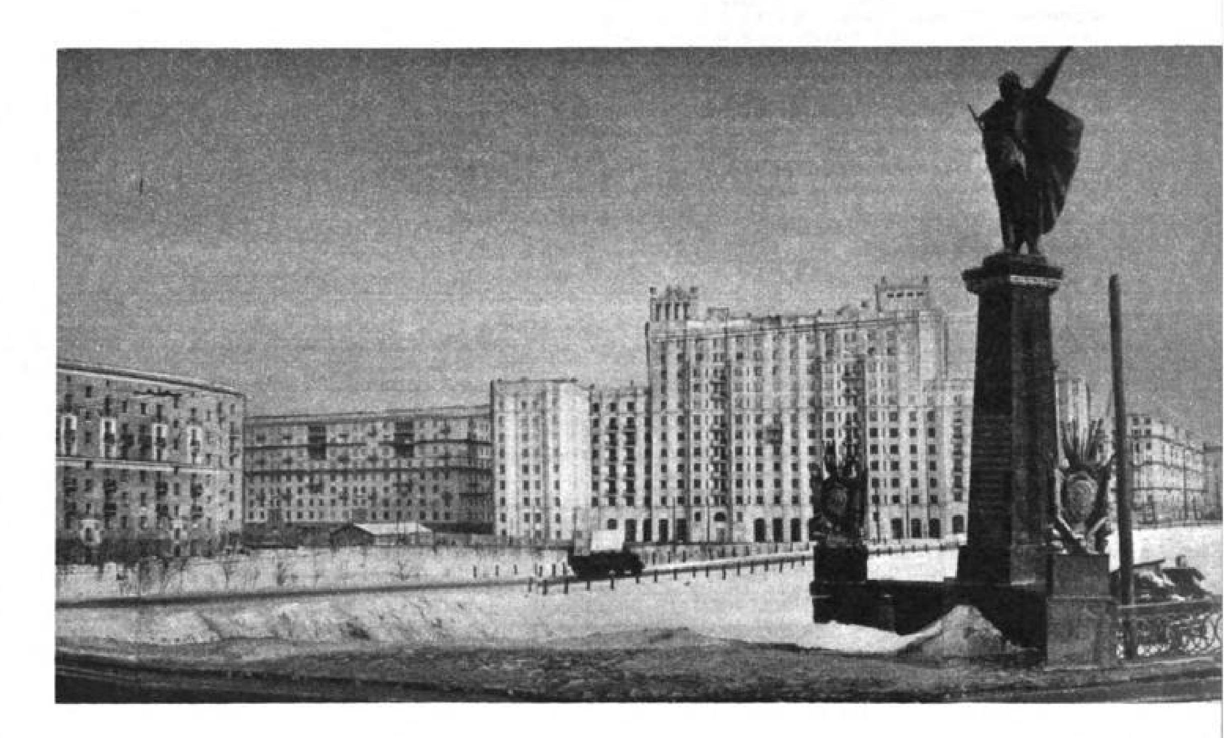
Все краше становится Москва!

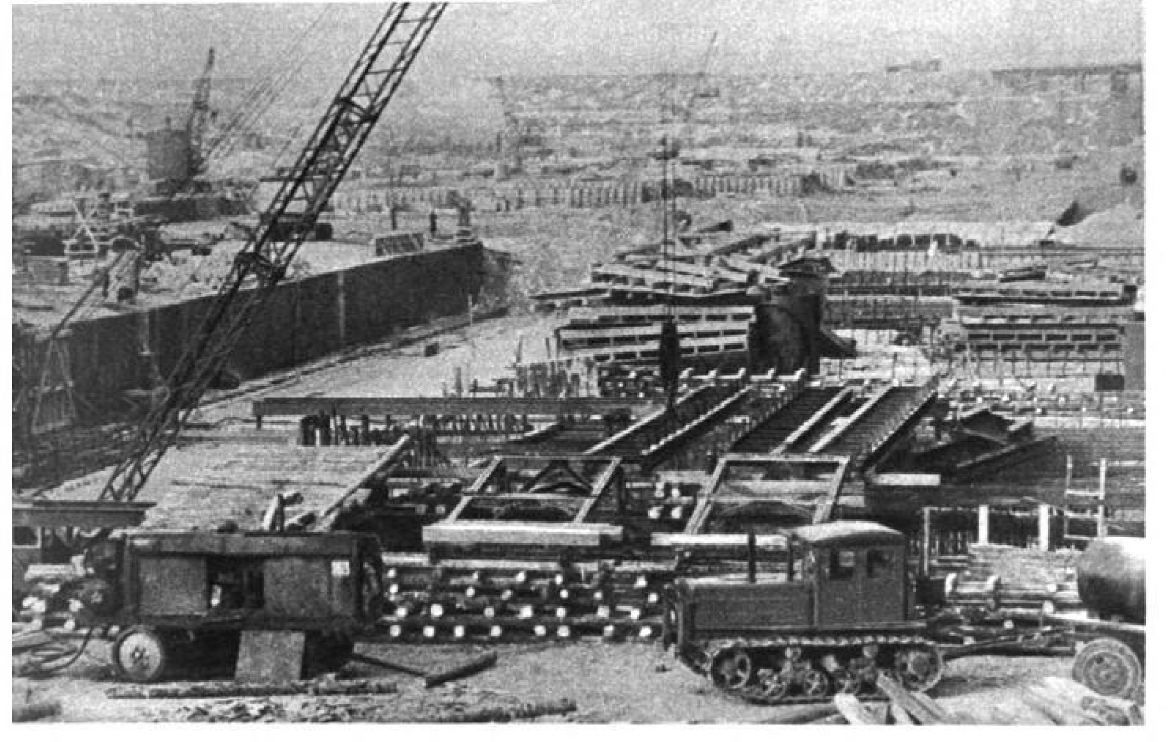

Выросла и украсилась за минувший период столица нашей Родины — Москва. Восемьсот двенадцать тысяч квадратных метров жилой площади построено в Москве только за 1953 год. Жители столицы получили за год 26 новых школ, 13 больничных корпусов и 6 поликлиник, 52 детских сада и яслей. Москва стала выше — вознеслись в небо высотные здания; созданы большие массивы зеленых насаждений; пролегли новые линии метро — вскоре восемнадцать районов и семь железнодорожных вокзалов будут связаны между собою этим самым удобным видом городского транспорта.

Еще краше, еще благоустроеннее станет столица в нынешнем году!

Фото Дм. Бальтерманца.

Днепровская быль

Могучий Днепр нынче не мыслится без Каховки. Каховскую ГЭС строит вся страна. Она щедро шлет на Днепр строительные материалы и машины. Десятки тысяч людей разных национальностей работают здесь.

Днепростроевцы обязались сдать Каховскую ГЭС на год раньше правительственного срока. Гидромеханизаторы, бетонщики, арматурщики, опалубщики, машинисты — весь коллектив стремится сдержать свое слово. Сеть железнодорожных путей, построенных в Каховке, достигла 200 километров; построено свыше 100 километров автодорог, проведено 250 километров линий электропередач.

Двенадцать месяцев назад бригада коммуниста Василия Демченко начала кладку бетона. На стальной плите была сделана историческая надпись: «Первый бетон К.Г.Э.С. уложен в марте 1953 года». С того дня бетонщики уложили свыше 200 тысяч кубометров бетона.

Там, где развернулось строительство мощного гидроузла, три года назад были пески. Весной 1951 года тут выросли первые домики строителей. Сейчас город Новая Каховка растянулся на 3 километра. Здесь выстроены сотни благоустроенных двух- и трехэтажных домов с электрическим освещением, радио, телефонной связью, водопроводом. Работают десятки магазинов, столовых, есть поликлиника, хлебозавод, библиотеки, Дворец культуры, летний театр.

Новая Каховка впервые будет участвовать в выборах депутатов Верховного Совета СССР: в прошлые выборы этого города еще не было на карте Украины.

В. ФЕДОРОВ

Фото Ю. Лихуты (ТАСС).

не открывает. И Кирилл Прокофьевич опять зажмурил глаза и сморщил лицо. «А ты глаза раскрой, — посоветовал Корзуну кто-то из членов правления, — и сразу узнаешь». «Во сне я или наяву»,— опять, как из погреба, загремел Корзун. «Ущипни себя», — советует один. «В окно посмотри», — говорит другой. Нет, думаю, так дело не пойдет. Нечего комедию строить. Может, в самом деле человек заболел. «Андрей Григорьевич, — обращаюсь к нему, — сейчас ровно двенадцать часов дня. Сию минуту проверка времени по радио прогудела. Ты что, ночью не спал или болен?» Но оказалось, комедию-то не мы разыгрываем, а Корзун. Открыл свой глаз, на всех посмотрел и говорит: «Фантазия это у вас, все, что я услышал, несбыточное. Земля-то не растет, сами знаете. Не растет, а вы за год хотите в два с половиной раза доход увеличить. Десять миллионов. Десятимиллионщики! Я понимаю, будь сейчас цыбуля по двадцать рублей килограмм,— другое дело, но сами знаете, рубль-то у нас теперь ценный. Курс ценный, откуда же десяти миллионам взяться?»

Эх, думаю, старик, а я еще и пожалел тебя! Но тут и без меня все его журить стали. Только и слышно: «Не растет, не растет!» Пришлось опять вмешаться. Пусть, говорю, самый плохой мир, чем самая лучшая война. Оставим Корзуна в покое, поживет — и сам все увидит. И вот, замечай, — наклоняется Орловский к молодому агроному, — когда урожай сняли, с государством расплатились, подсчитали, а годовой доход у нас десять миллионов и триста двадцать тысяч рублей. На каждый трудодень выдали по килограмму ржи, килограмму и семь десятых пшеницы, по двести шестьдесят граммов первосортной белой муки, сахара, растительного масла, картофеля, овощей, грубых кормов для скота, находящегося в личном пользовании колхозников, и плюс ко всему этому на каждый трудодень по двадцать рублей. Тем же, кто лен обрабатывал, по двадцать четыре рубля. Вот когда все про Корзуна вспомнили! Хочешь, не хочешь, а как правление стали выбирать, старика на вороных прокатили.

Конечно, нашлись у нас и такие ворчуны, что пожалели: зажимают, мол, ходу не дают. Есть, есть у нас такие. Выпьют — и тогда сразу «ход теряют». Был такой момент в «Рассвете», когда из семи бригадиров шесть с половиной пришлось сменить. Почему шесть с половиной? А это, чтоб крепко ты запомнил, про пьянство. Скажешь: шесть,— забудешь, а половинка — это вроде как для памяти, как узелок на платке. Как бригадиров сменяли? Придет утром на наряд, а глаза у него красные, как у голубя, значит, ясно, вчера хлебанул, и тут вперед сказать можно: толку не будет. Зароется в стог соломы, и забывай, как звали. А скажешь потом такому бригадиру: «Что это у тебя голова в пуху?»,— а он потянет себя за чуб, достанет клок соломы, посмотрит на него своими красными глазами и обижается: «Почему в пуху?»

Теперь у нас бригадиров тринадцать. Десять из них имеют стажа бригадирского от пятнадцати до восемнадцати лет, народ пожилой, многие без очков уже наряда никак не запишут. Но понимаем друг друга с полуслова. Понадобился мне заместитель. Скудного Демьяна Ивановича поставили, работяга. Заведует фермой Шеметько Иван Титович; смеются у нас над ним, говорят: под кормушкой коровьей спит. А это за то, что он хату новую себе поставил возле самой фермы, такой уж характер у человека, любит, чтоб хозяйство у него всегда на виду было.

Кирилл Прокофьевич вновь глядит на своего слушателя, как бы стараясь убедиться, все ли тот понял.

— Вот что скажу тебе. По земле нельзя просто так ходить или глаза нарочно закрывать, как Корзун. Запомни это. Вернулся я с войны. Квартира у меня в Москве, пенсия две тысячи семьсот рублей. На груди золотая звездочка висит. Словом, подполковник в отставке. Купи себе удочку да и лови пескарей. А тут еще удобства, под самым окном речка и парк. В свободное от рыбалки время читай газеты, ходи в кино, захотел — на охоту соберись, сосед подходящий — тоже пенсионер. Все как следует. Но скажу, такая тоска взяла, что хоть утопись. Откуда радость у человека? От успеха на работе. Тут тебе и задор появится, и самочувствие хорошее, и сила богатырская, а мне успеха тогда от кого было ждать? От пескарей, что ли, или от пуделя своего?.. Тебе сколько лет? — вдруг прерывает самого себя Орловский. — Двадцать три, говоришь? Это знаешь, что за годы? Человек, можно считать, только дверь в жизнь открыл, шапку снял, стоит на пороге и смотрит. Так вот что я тебе скажу. Бумаг у тебя в министерстве, вижу, целый вагон и маленькая тележка, дохлое это дело — бумаги. Бросай их поскорее и давай в «Рассвет». Да, не досказал тебе: вот и решил я уехать из Москвы в деревню, где родился. Удочки закинул, весь книгами обложился, бумагами не хуже, чем ты сейчас в министерстве, сижу и высчитываю, какой урожай пшеницы можно снять, ржи, какого удоя достигнуть можно в животноводстве, словом, планы и планы... А сам хотя на войне был и двадцать пять лет в армии прослужил, а не подумал о том, что теория — это одно, а практика — другое. Не подумал, что осталось от наших Мышковичей. Приезжаю, а там небо и земля. Небо в полном порядке: солнце светит, тучки плывут, — а вот с землей не все нормально, искореженная земля, изрыта воронками, окопами, постройки все сожжены. Избрали меня председателем. Старики смотрят на меня и вздыхают: «Убежишь ты, Кирилл, от нас, не будешь ты тут жить, привык по-военному, а у нас, сам видишь...» Я-то вижу, а твержу свое: «Не уйду, и все». Теперь-то колхоз «Рассвет» в Бобруйске два магазина имеет: один — молочный, другой — мясоколбасный, а тогда, помню, война кончилась, солдаты из Берлина домой через Бобруйск идут, нет, нет, да и в Мышковичи заглянут, а мы чем их угостить можем? Цыбуля у нас одна была, больше ничего. С другим солдатом постоишь, поговоришь, узнаешь, что дома у него никого не осталось, смотришь, парень видный, предложишь ему: «Остался бы у нас», — а он вздыхает: «Нет уж, поищу другое место». К тому все это вспоминаю тебе, что, когда приедешь, часто обращаться будут за транспортом. У нас каждое воскресенье по нескольку свадеб справляют. Девушки, как только зарегистрируются, в правление бегут: «Давайте, Кирилл Прокофьевич, машину, давайте коней!» «Что это, — говорю я, — все вы за машинами да за лошадьми? Что у нас тут, диспетчерская?» Смотришь: а девчонка краснеет и уже потише говорит: «Мужа перевезти надо». «Куда ж это?» — спрашиваю. «Да к нам, в Мышковичи». «А что он у тебя, хромой, ходить не может?» «Так нет же, ведь с обстановкой, совсем к нам переезжает, тут жить будет».

Примаков у нас теперь полным-полно. Было зачастили к нам вербовщики. Прослышали, что в Белоруссии-то одни болота, кочки, кулики кричат, вот и стали ездить вербовать рабочих. Золотые горы обещали. А ребята наши с улыбочкой слушают, поддакивают, а потом кто-нибудь из тех, кто острее на язычок, и скажет: «Все это правильно, дорогие товарищи, но не по тому адресу приехали».

Земля-то не растет — то Корзун верно сказал, — но доходы от нее, как видишь, растут. Подсчитали недавно, думаем и в нынешнем году увеличить их еще на один миллион...

И вдруг — или я ослышался? — Кирилл Прокофьевич, наклонившись к молодому агроному, довольно громко произносит почти те же слова, которые я уже слышал от Галины Евгеньевны:

— Скажу тебе одно. Приедешь к нам в «Рассвет», работай так, чтоб и других задор брал.

В торжественный день

Александр ПРОКОФЬЕВ

Приходит этот день, других светлей
От наших дум о Родине своей;

От песен, поднятых над всей страной,
От музыки, что бьет живой волной;

От дружбы братской и от торжества,
Чем вся душа народная жива!

Наш всенародный праздник — этот день,
Еще одна высокая ступень;

Еще таким прекрасным, гордым днем
К великой цели ближе подойдем.

Живи, цвети навеки, навсегда,
Союз республик, мира и труда!

За мир мы голосуем в этот день!
За мир мы опускаем бюллетень!

За мир, что светом братства озарен.
За мир! Для всех народов и племен!

Песня дружбы

Анна́ КОВУСОВ

Для солдата нет родней и ближе
Той земли, что отстоял в бою.
...Снова поздравляю, снова вижу,
Снова слышу Латвию мою.

Песни дружбы здесь еще звучали
В поле, у позиций огневых,
У костра походного
В начале
Памятных годов сороковых.

Здесь, у моря, на полоске узкой
Фронтом перекопанной земли,
Три бойца — туркмен, латыш и русский —
Песню, сердцу близкую, нашли.

Нас брала та песня за живое.
Пели дружно, пели мы с душой
Про большое братство фронтовое
Всех народов Родины большой.

Я брожу знакомыми местами,
Берега и села узнаю.
Не забыл в родном Туркменистане
Я родную Латвию мою.

Много песен слышал я крылатых
В Ашхабаде — городе моем.
Как в сороковых,
В пятидесятых
Запевают их друзья втроем.

Вторит песне мирный скрип лебедки
(Город весь в строительных лесах),
И родные, дорогие нотки
Узнаю я в сильных голосах.

С высоты лесов, с подмостков узких
Песнь взмывает, реет в облаках,
Песней той туркмен, латыш и русский
День встречают с кельмами в руках.

Песня та берет их за живое.
И друзья поют, поют с душой
Про большое братство трудовое
Всех народов Родины большой.

Перевел с туркменского
Юрий ГОРДИЕНКО.

На Севанском озере

Симон ЧИКОВАНИ

Снимают скалы тусклую кольчугу,
Туман по склонам движется, скользя.
И мы опять глядим в глаза друг другу,
Севан и я, как старые друзья.
Мне кажется, когда иду, считая
Прибрежных гор литые купола,
Что охрой голова моя седая
От зноя покрываться начала.
Двенадцать лет назад кольцо Севана
Я увидал меж этих гордых скал,—
Все тот же свет Севана неустанно
С тех пор в глазах любимой я искал.
Я ласку волн увез домой с собою,
Оставил след на влажном берегу,
Где удочку над гладью голубою
Увидел, словно тонкую серьгу.
Сегодня вновь к Севану я вернулся
И ощутил, как сердцу он знаком,
Когда на корни прошлого наткнулся,
К Севану вновь приблизившись пешком.
Я вижу волн бегущих эстафету,
Рыбачьи лодки, крылья парусов.
За светом братства я иду по свету
На зов друзей, на дружественный зов.
Опять Севан раскинулся широко,
Косыми парусами осенен.
Армении задумчивое око,
В себе так много отражает он.
Мы грудь в горах отрадой наполняем,
Волну в сердца вселяем, как птенца.
Севан под солнцем обернулся маем,
И нет ему ни края, ни конца.
Армяне в ясном отсвете озерном
Захвачены предчувствием весны.
Пылает солнце раскаленным горном,
И на форелях — крапинки луны.
За светом братства двигаюсь по свету,
Но, если сердцем всем не запою
На берегу Севана песню эту,
Как мне вернуться в Грузию мою!

Перевел с грузинского
А. МЕЖИРОВ.

Украина — Беларусь

Олекса ЮЩЕНКО

Тишина опушки спящей...
В даль знакомую вгляжусь —
Вот черниговская чаща,
За опушкой — Беларусь.
Утро впуталось лучами
В тьму задумчивых дубов,
Переплетшихся ветвями.
Столько весен, зим, годов —
Не узнаешь, чьи же ветви
Взметены до облаков,
Перевитые столетьем
У могучих стариков!
Пригляжусь еще сильнее:
Даже шапка их — одна.
Чем не диво! Зеленее
Зеленейшего сукна!
Каждый дуб из нашей чащи —
Белорусскому сосед.
Всю опушку полной чашей
Заливает солнца свет.
Зашумело, заиграло,
В сотнях красок расцвело,
Лето сдвинулось с причала,
В лес по ягоды пошло.
На опушке чище, краше
Свежесть голосов живых:
«Про калину» — песня наша,
«Про калину» — песня их!
Словно сестры, без печали
Обнялись сегодня здесь
Песня вольная Купалы
И шевченковская песнь.
Я к любимой по соседству
С той же песней соберусь,
Что обеим вам по сердцу,
Украина, Беларусь!

Перевел с украинского
Николай АСЕЕВ.

Машины на полях Белоруссии

Из года в год в колхозы и совхозы Белоруссии приходит все больше первоклассных сельскохозяйственных машин. Механизируются трудоемкие работы, повышается урожайность технических и пропашных культур. Машинно-тракторные станции Молодечненской области, например, к весеннему севу получат почти в полтора раза больше машин, чем в прошлом году. Уже сейчас в МТС республики поступило около двухсот четырехрядных картофелесажалок, к весне же их будет 445.

В. ПОНОМАРЕВ.

Фото Н. Белобровика (ТАСС).

Завтра РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Фото А. ГАРАНИНА.

Если говорить о красоте, то в селе Софьине летом куда красивей. И это не только потому, что в палисадниках тяжелеют от полночных рос прохладные кисти сирени, а мелкая, прогретая солнцем травка покрывает улицы села, оставляя место лишь дороге. Красоту создает река.

Около самого села то туманится, то тускло мерцает под луной, то ослепительно горит на солнце широкая полоса воды.

Теперь река под снегом. Кругом однообразно, бело. Вот начал светлеть край низкого зимнего неба. Ждешь зари, которая вспыхнула бы до самого зенита и залила бы землю радостным утренним светом. Но ожидания напрасны. Серая заря! И день придет серый, без яркосиних теней на снегу, без морозных блесток, мелькающих в воздухе, без «ушей» около солнца и без самого солнца вообще.

Но есть красота, которая не зависит ни от какой погоды. Она зависит от других, более глубоких причин и потому в селе Софьине постоянна. Это красота жизни людей.

Если сказать, что люди в Софьине живут зажиточно, этим не скажешь всего: именно красиво живут люди, дружно, культурно, весело.

И дружная работа на полях и фермах, и культурный отдых в колхозном клубе или дома у приемника, телевизора, за хорошей книгой, и любовь софьинцев к спорту делают красивой их жизнь. Летом — футбол, волейбол, плавание, — недаром девушка из Софьина Ольга Тарыгина в прошлом году стала чемпионом республики по плаванию среди сельской молодежи; зимой — коньки и лыжи.

Так уж принято, что салазки только для детей. Софьинцы пренебрегают этим порядком. И правильно делают. А если нет горы, тоже не беда, можно кататься и на ровном месте. Только не садись не в свои санки, чтобы не случилось, как на снимке с Витей Калиновским.

Есть очень веселые, темпераментные игры, в особенности у южных народов. Но, пожалуй, ни одна летняя игра не сравнится по увлекательности со снежными играми.

Мудреное ли дело снежки, а стоит поиграть в них хотя бы недолго, да так, чтобы лицо несколько раз залепило снегом, и вот уже глубже дышится, веселее заблестели глаза.

Ничего, что день серый. Уже с утра у софьинского клуба начали собираться любители. Сегодня нет ни соревнований, ни «прикидок», можно просто порезвиться, а результат будет тот же: отдых, разогретые мышцы, бодрость.

Поздно вечером расходится молодежь по домам, пустеет каток, наступает тишина. Завтра рабочий день!

Володя Бурунов и Нина Кащеева тоже прощаются до завтра. Они о чем-то говорят, прощаясь, но так тихо, что мы не расслышали, о чем. Начинается легкий, ласковый снегопад. Спит село. Завтра рабочий день!

Вл. СОЛОУХИН

с. Софьино, Раменского района, Московской области.

Городок Главвысотстроя.
Фото Е. Умнова.

ЖДАНОВСКИЙ ОКРУГ СТОЛИЦЫ

Лев СЛАВИН

Ждановский район Москвы получил в этом году нечто вроде аттестата гражданской зрелости: впервые за время существования района здесь образован самостоятельный избирательный округ.

Это самый большой район Москвы. На его четырех с половиной тысячах гектаров расположились заводы-гиганты, среди которых автомобильный, подшипниковый, часовой, тринадцать научно-исследовательских институтов и лабораторий и даже колхоз.

Почему же только сейчас столь обширный и богатый район стал самостоятельным избирательным округом? За четыре года, которые прошли со времени предыдущих выборов в Верховный Совет, в Ждановском районе значительно увеличилось население, построено свыше полутораста тысяч квадратных метров жилой площади. Самый факт образования нового избирательного округа говорит, среди прочего, и об огромном размахе жилищного строительства в Москве.

Ждановский район — это треугольник. Его вершина — Таганская площадь. Она принадлежит не одному, а трем хозяевам: Пролетарскому, Молотовскому и Ждановскому райсоветам.

Настоящим территориальным центром Ждановского района и, так сказать, его душой является новая полуторакилометровая магистраль — Шарикоподшипниковская улица.

Разумеется, обильный приток населения не мог не породить серьезных перемен в районе. Вызваны к жизни новые учреждения, предприятия, средства связи,— словом, все, что сопутствует образованию крупных городских центров: новые дома — их около ста, магазины и столовые — свыше девяноста, пять школ, семь детских садов, аптеки, сберкассы, телефонные пункты, больница, поликлиника, библиотеки. Три четверти районного бюджета, а это составляет около семидесяти миллионов рублей, расходуется на народное образование и здравоохранение. Нового здесь стало так много, что Ждановский район по справедливости может называться типичным районом советской столицы пятидесятых годов нашего столетия.

Немало из того, что возникло в эти годы в районе, обязано своим появлением инициативе масс. Спортивный стадион возле 1-го Подшипникового завода — это реализованный наказ избирателей. Корпус на 250 коек при клинической больнице — осуществленное предложение избирателей. Усиленное наружное освещение на Остаповском шоссе, переговорный пункт в поселке Текстильщики — результат энергии избирателей. Таково же происхождение школы-десятилетки № 488 в городке Главвысотстроя.

Городок Главвысотстроя как бы отпочковался от другого, более обширного поселка — Текстильщики. Там, в Текстильщиках, словно музей советского градостроительства. Кое-где еще сохранились длинные одноэтажные дома двадцатых годов. Местами стоят застекленные коробки — плод увлечения архитектурной модой тридцатых годов. Но всего больше просторных, многоэтажных домов, которых за последние четыре года в Текстильщиках возникло около четырех десятков.

Приток «переселенцев» немедленно вызвал расширение всего комплекса учреждений, обслуживающих поселок,— хозяйственных, административных, торговых, культурных. В том числе и библиотеки № 78 — не единственной, но самой большой в поселке.

Москва, расширяясь, захватывает окружающие деревни и обращает их в городские районы. Когда-то такие коренные столичные кварталы, как Кудрино или Марьина роща, были селами. Процесс этот продолжается и сейчас. Есть и в Ждановском районе бывшая деревня — Курьяновка.

Но существует в районе и настоящее село — Грайвороново. Оно соседствует непосредственно с городскими улицами, и, тем не менее, это — село, в котором находится колхоз «Красный путь». Село в городе! Сейчас в административном составе Москвы есть уже несколько колхозов. Но «Красный путь» был первым, вошедшим в черту столицы.

Своеобразное впечатление производит деревня в столице; это соединение сельского и городского пейзажей. Грайвороново взяло от города асфальт, электричество, автобусы, телевизоры и прочий инвентарь городской цивилизации, но сохранило дубравы и даже жаворонков.

Колхоз Ждановского района растет и богатеет вместе со всем районом. Он перевыполнил в 1953 году план почти в полтора раза. Колхозники выработали в среднем по 250—300 трудодней. А трудодень — это 28 килограммов овощей и 13 рублей деньгами.

Сегодняшний пейзаж Ждановского района в значительной степени окрашивают многочисленные стройки. Всюду витает строительная пыль, и небо нового избирательного округа прочерчено стрелами башенных кранов.

Возвращенное плодородие

Освоение земель... В Средней Азии эти слова понятны и близки каждому — от пионера до ученого. Люди поднимают целинные земли, перекраивают хлопковые поля: вместо крохотных клочков, заключенных в тесные рамки арыков, расстилаются широкие поля, где новая система орошения дает простор механизаторам. Перепаханы лишние дороги и межи, пересажены на новые места растения.

В минувшем году в Узбекистане было освоено более 50 тысяч гектаров засоленных перелогов — здесь уже гудят тракторы. И скоро одетые серым бархатистым пушком семена хлопчатника лягут в рыхлую почву.

По-иному хозяйствуют сейчас колхозы. Новая система орошения введена в Узбекистане на площади в полмиллиона гектаров. Ярким примером может служить колхоз имени Ворошилова, Шаватского района, Хорезмской области. Еще недавно средний размер участка не превышал здесь полугектара. Теперь размеры полей возросли почти в 50 раз. Больше чем вдвое сократилась протяженность оросительной сети, освободились рабочие руки, машины быстрее обрабатывают поля. Колхозу оказалось вполне по силам освоить еще 87 гектаров перелогов, а урожайность хлопчатника с каждого гектара возросла на четыре с лишним центнера.

Новые, совершенные машины выходят на целину и переложные земли.

Н. СОЛОВЬЕВА
Фото М. Каюмова.

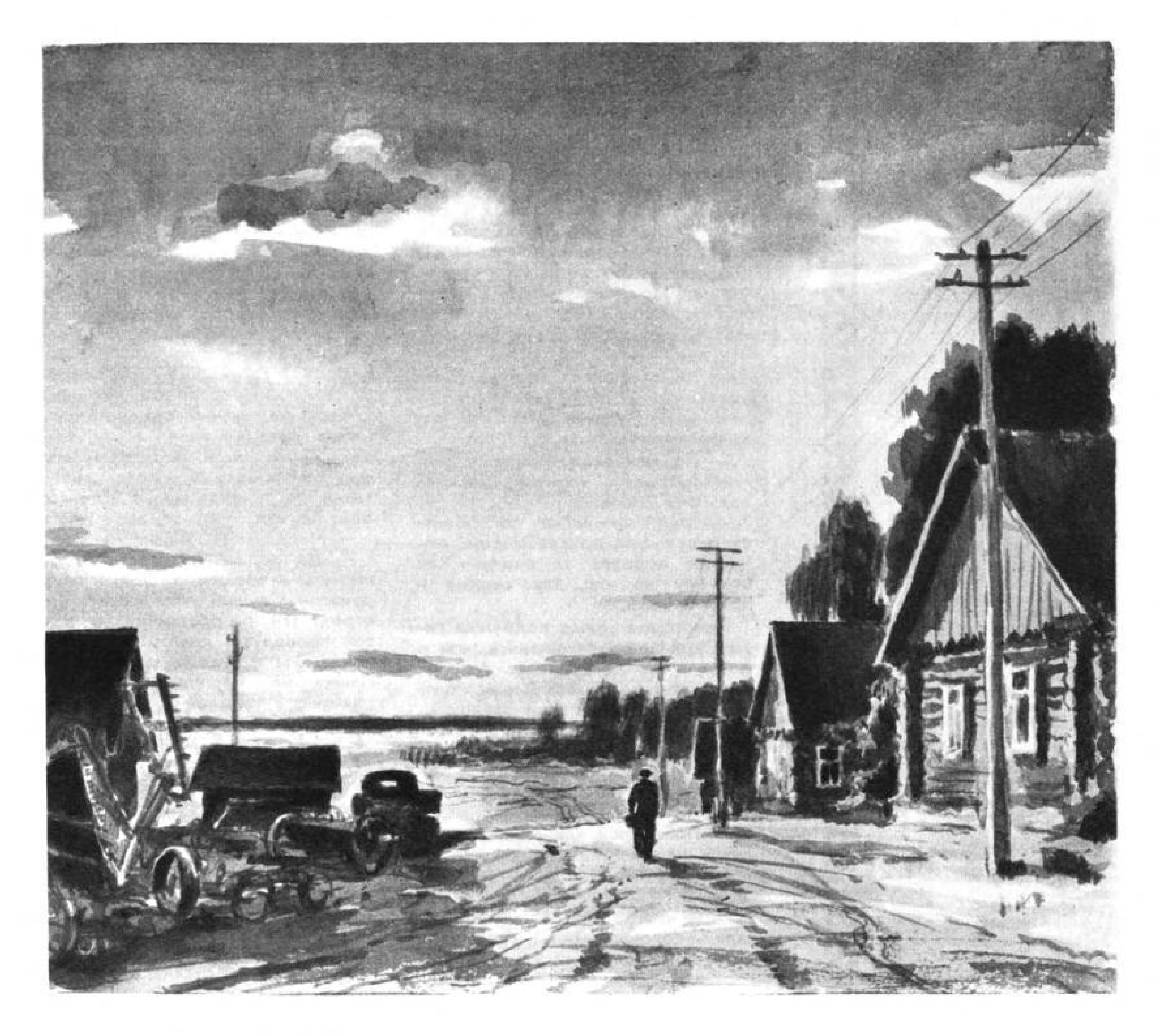

М. А. Бирштейн. ДЕНЬ ВЫБОРОВ В ТУНДРЕ.

«Огонёк». 1954.

Н. А. Сысоев. ВСЕНАРОДНЫЙ ПРАЗДНИК.

Вечереет

Рассказ

Николай ГРИБАЧЕВ

Рисунок В. Высоцкого.

Солнце съехало за крыши домов.

Красноватые сумерки заполняют колхозную улицу, исчерченную елочками автомобильных шин и следами кованых колес. Час назад из сада возле клуба выползли длинные тени, погрелись на теплой траве бугра и расплылись, растаяли. Далеко в поле, за березовой рощей, еще гудят тракторы, и от этого поле становится похожим на затихающий улей. Положив на погребицу машину, проезжий мотоциклист накачивает шину: «Шик... шик... шик». Кажется, машет крыльями большая усталая птица. Из-под горы, от речки, вынырнули ребятишки, посторонились на прогоне: дед Федос, сторож сада, идет ставить на ночь переметы. Встреча обыкновенная, и шутка у деда тоже обыкновенная:

— Ну, генералы, что там слыхать на войне?

— На какой войне, дед?

— А на той, на которой окошки бьют и синяки под глазами ставят. Одолели супостата, что ли?

Переглянулись, посмеялись, но с опаской: дед не любит ребят, подозревая в каждом любителя зеленых яблок; ребята платят ему отчужденностью.

— Замирились,— отвечает старший, лет девяти, сын колхозного шофера; волосы еще мокры от купанья, коленки обзеленены травой, трусы в белых пятнах.— Мы теперь геологические разведчики.

— Чего это? — интересуется дед.

— Разведчики... которые землю изучают, чтобы потом плотины строить.

— Ишь ты! — вскидывает аккуратную бородку старик.— То-то никак не поймем, почему это у нас в кооперации стекло подешевело...

Шутка обижает ребят. Кто-то мстительно пророчит:

— А заря нынче красная, к ветру... Не пойдет рыба на переметы!

Чувствуя некоторую справедливость замечания, раздосадованный старик поворачивает под гору, а ребята не без смущения от того, что нарушили деликатные традиции рыбаков, и не без опаски за последствия — чего доброго, еще нажалуется родителям! — разбегаются по домам. Пора. Геология геологией, а проборка дома за позднее возвращение — тоже дело не шуточное...

С кувшином в руках вдоль палисадников спешит в ларек за пивом пожилой шофер колхоза Петр Васильевич Капустовский. Видно, только что кончил работу: еще и комбинезона не снял. Бойко отвечавший деду мальчишка с мокрыми вихрами, заметив отца, ныряет в сени к приятелю: объяснения он давать готов, но только дома, а не на людях. А навстречу шоферу идет доярка Елена Степановна. За работу ее уважают, за язык не любят. Серые глаза ее всегда ядовито прищурены, левый уголок рта ниже правого, и в нем постоянно гнездится усмешечка. Заметив доярку, шофер прячет кувшин за спину, но уже поздно.

— На заправку, Петр Васильевич? — громко, с явным расчетом на привлечение слушателей окликает доярка.— Набирай темпы, сосед, а то конюх Егорыч тоже потюкал туда со жбанчиком. Ну, как не хватит?.. А жена твоя, слыхала, в район уехала?

— Поздоровалась бы сперва,— укоряет шофер,— а потом и прорабатывала бы...

— Здороваться первому мужчине положено, Петр Васильевич! А то нынче у вас и так получается, что бабы в поле, а мужики за яичницу... Как в пословице...

— Пословица-то, Елена Степановна, от веку наоборот будет.

— Была!.. Нынче бабьи пословицы, какую ни возьми, все на мужчин переводятся. Или книг не читаешь? Говорят, специально ученые над этим работают...

Не ожидая ничего доброго от продолжения разговора, шофер машет рукой и сворачивает за угол к ларьку. Там и в самом деле прилип, как муха к меду, конюх Егорыч.

— Заправляемся? — невольно впадая в тон доярки, спрашивает шофер.

— А как же! — не без удовольствия отзывается конюх, вытаскивая голову и плечи из окошка ларька.— Литраж на километраж — тут тебе и полный баланс. Степановна, и то говорит, что у меня с конями полное единомыслие: они по овсяной части, а я — по ячменной...

— Вредная баба — наша доярка, а, Егорыч?

— Вредная,—охотно соглашается конюх.— Мимо кого ни пройдет — булавку вколет. Я еще по соседству работаю, так привык, а другим полное расстройство нервов. Да ты не печалься, избавимся от нее скоро! Пошлем ее в ассамблею с какими-нибудь поджигателями дискутировать или еще с кем — она их одним языком доведет!.. Выпьем по кружечке?

— По кружке можно,— соглашается шофер.— С шести часов в рейсе, в горле, как суховей прошел... Да и домой побегу — жена по делам уехала, сына еще нет. Дела!..

Выходит посидеть на крыльце, пока мать готовит ужин, Даша Астахова. Месяц назад ей пошел восемнадцатый год, девичьи косички расплела, носит городскую прическу, заневестилась. Окончив работу на ферме, умылась, приоделась, а больше делать нечего. Сидит, слушает нехитрую музыку вечера: прогудел на станции, верстах в трех, паровоз — и пошел, пошел перестукивать, пока все не слилось в один протяжный и ровный шум; тракторы почти затихли вовсе, должно быть, проезжали лог, а теперь опять подали голос; скрипнула у соседей калитка, бабка Мосевна с козой канителится: «Верка, Верка... А, будь ты проклята, бестолковая, ты ее домой, а она в белый свет...» Скучно Даше. Поправляет волосы, смотрит в сторону клуба — знает, ничего сегодня не назначено, да вдруг перемена какая? Нет, ничего. И Пашку, тракториста, который третий месяц провожает ее с гулянок, увидеть не доведется: полевой стан далеко, каждый вечер на свидания не находишься. Вот и сиди одна. Отец как-то заметил, попытался утешить:

— Ничего, вот побогатеем, развернемся, так и тракторы будут при колхозе... А может, и не будут,— впал тут же в сомнение.— Не рационально...

Подходит подружка Зойка, круглощекая, вечно озабоченная чужими переживаниями девушка. Сама о себе она говорит: «Я ни о ком не страдаю — я только за всех болею! Дай мне волю — я бы знала, кого на ком переженить, чтобы век душа в душу жили!» Весной ходила Зойка несколько раз с завклубом на высо-

Стальные пути в степях

Казахстан. Спит Бет-Пак-Дала — Голодная степь. Сухие земли ее лижет холодная волна Балхаша. Прильнет и отхлынет. И опять земля остается сухой и бесплодной.

Затих старый рыбачий поселок Буру-Байтал; сверкают лишь огни станции Чиганак, недавно рожденной в степи.

Издалека доносится протяжный гудок тепловоза. И вот, огибая нависшую глыбу скалы, сверкая огнями, круто спускаясь вниз, летит поезд. Дорога идет по краю Бет-Пак-Далы и Балхаша, и кажется, что степь вздрагивает и просыпается.

На четыреста с лишним километров протянулась железная дорога Моинты — Чу, связав просторы севера и юга Казахстана. Круглые сутки идут по ней составы, груженные карагандинским углем, хлебом, хлопком, шерстью, мчатся пассажирские поезда. В пять раз быстрее можно попасть теперь с юга республики в Караганду.

Край безбрежных степей и пустынь, Казахстан получил тысячекилометровую ленту двух дорог: Моинты — Чу и Акмолинск — Павлодар. Вместе с Турксибом их называют трансказахстанской магистралью.

Среди заснеженных степей сверкают стальные нити. Вечерами вспыхивают огни станций, поселков, мчатся поезда, неся безлюдным прежде степям дыхание новой жизни.

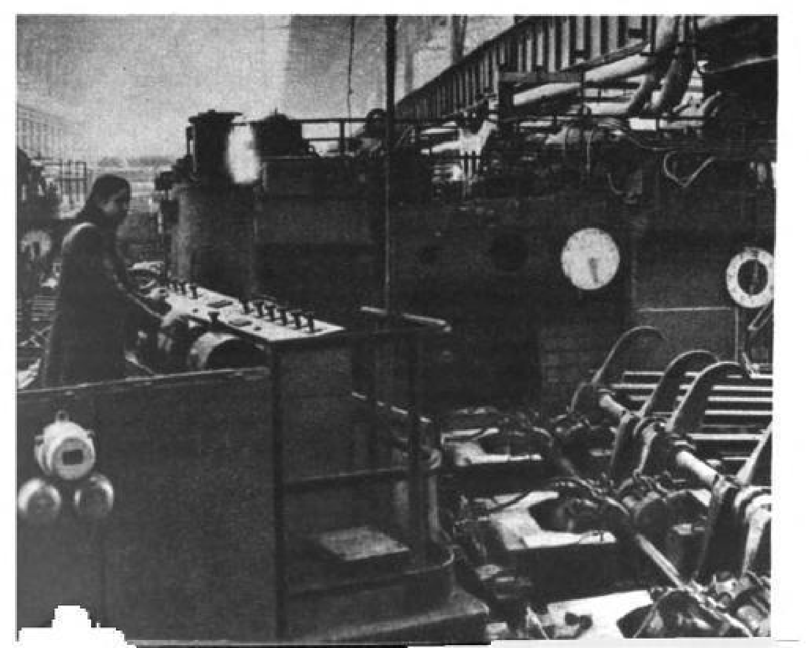
В. ЛАВРОВА
Фото М. Борисова.

Самый большой прокатный стан

Четыре года назад мартеновская печь выдала первую руставскую сталь. Заработал блюминг, за ним — трубозаготовочный цех. В сентябре 1952 года первые трубы из руставской стали отправились в далекий рейс, на новостройки Родины. В декабре прошлого года на Руставском заводе пущен в эксплуатацию уникальный трубопрокатный стан «400» — самый мощный в нашей стране. Он едва умещается в колоссальном семипролетном цехе. Гудят электромоторы, приводящие в движение бесчисленные механизмы стана.

Его отливали, сваривали, налаживали тысячи дружеских рук на Урале, в Москве, Ленинграде, Харькове, Краматорске...

И. МЕСХИ
Фото М. Квирикашвили.

кий берег реки — песни попеть, коростелей послушать, поглядеть, как под луной гуляют по лугам прозрачные туманы... Ходила — и перестала. «Душевности в нем нет,— объяснила она подругам.— Все про формы и методы культработы рассказывает... Может, я и отсталая, а только меня в сон клонит от его умных разговоров!» Завклубом — парень начитанный и серьезный, но понять, что произошло, не может: мужается и переживает молча...

— Ждешь, Дашка? Пообещался, что ли?

— Не обещался... График у них уплотненный, при такой работе пять верст ногами молотить накладно выходит.

— Переживаешь, значит?

— Трудная жизнь, Зойка,— вздыхает Даша.

— Трудная,— легко соглашается девушка и, присев рядом, обнимает подругу за плечи.— Как погляжу на вас, так сердце и дрогнет...

Некоторое время подружки сидят молча, прислушиваясь, как в доме мать отчитывает Мишку, восьмилетнего брата Даши:

— Опять обедать не пришел... Небось, щавелю на лугу пожевали — да и все тут разносолы?

— Ну, не пришел,— нехотя тянет Мишка.— А в щавеле витамины...

— Побелился, как мельник, погляди на штаны... По всему видать, в круче копались.

— Ну, копались.

— И что за такую забаву нашли — коленки драть! Лучше бы удочкой пескарей таскал, все прибыток...

— Ну, значит, надо... Стройматериалы разведываем!

Мишка твердо верит во всесокрушающую неотразимость последнего довода, но мать пропускает его государственные соображения мимо ушей и гонит в сени, под умывальник. И пока Мишка лениво наливает воду и трет обмылком веснушчатые руки, мать определяет его судьбу на завтрашний день:

— Поедешь с отцом на пропашку картошки на усадьбе. Может, лошадь надо будет поводить — привыкай...

Разговор в хате и мишкины соображения о круче живой искоркой перепархивают на крыльцо и дают новое направление мыслям подружек.

— Многие под Сталинград едут,— вздыхает Зойка.— А еще в Куйбышев. Людная работа, дух захватывает... Попроситься, что ли?

— Дома разве работы мало? — настораживается Даша.

О Сталинграде [illegible] и сама думала не раз, но ту[illegible] не пять километров от машинно-тракторной станции, на свидания не разгонишься. Зойка, тонко чувствуя настроение подруги, намекает:

— Там экскаваторы какие, машины разные... Пашка бы с любой управился!

— Пашку разве пустят? А во вред колхозному делу он сам не поедет. Человек сознательный!

Подружки снова умолкают и грустят — не оттого, что собственная жизнь бедна радостями и простором, а оттого, что где-то — и уж не так далеко — просторы еще большие, события еще стремительнее и разнообразнее. И ту жизнь посмотреть хочется, и эту покинуть жалко.

— Ох, бывают такие дурочки! — смеется Зойка.

— Ты что?

— Ничего... Про девушку одну, про подружку. Представляешь, сидит сейчас в степи возле Волги, вот такая, как я или ты, смотрит — солнце село, темнеет... А день был жаркий, работа нелегкая, руки, ноги ноют, в волосах пыль, гребенкой не прочешешь... Как живую, вижу! И вот сидит она и думает: сады и рощи где-то есть, в травы роса садится, хлеба в поле стеной поднимаются. Девчата на гулянку спешат — чего им, дескать, в самом деле: лето поработают, а к осени за хороший урожай медали или ордена дадут. Сидит она, измученная, и завидует. И так мне сначала ее жалко стало, эту девушку, а потом вижу, такая же дурочка, как и мы с тобой! Верно?

— Чудная ты, Зойка...

— Да ладно уж, хватит тебе киснуть! — тормошит Зойка подружку.— Слушай, что скажу: построят эти гидростанции, к нам ток проведут — девать будет некуда... Вот и будешь ты к своему Пашке на машинно-тракторную станцию в трамвае ездить! Правда, здорово?

— Ты, Зойка, Мишке нашему об этом скажи, так он завтра, чего доброго, припустится лес на шпалы разведывать — прощай картошка!

— А здорово было бы, если б вправду! Скажешь, нет? А то еще Пашка твой в Герои выдвинется, «Москвича» купит. Ничего удивительного! В загс поедем — я рядом с шофером, как подружка, а вы сзади... только не очень целуйтесь на радостях... Только вряд ли будет это: лопух он у тебя. Чего проще велосипед купить, а и то никак не сообразит.

«Оно и верно, что лопух,— молча соглашается Даша,— в самом деле, не мог догадаться!» А вслух:

— Не до того сейчас... Вот к осени управится — купит.

— Спустя лето по малину! — смеется Зойка. — Тогда надо лыжи покупать, снегу-то сколько наметет! Ох, уж эти влюбленные!..

Далеко над поймой проходит рейсовый пассажирский самолет; огней его не видно, только ровный густой гул мотора наполняет вечер, словно вернулась весна и снова полетели майские жуки. Не шелохнувшись, стоят рощи и сады — слушают, засыпая.

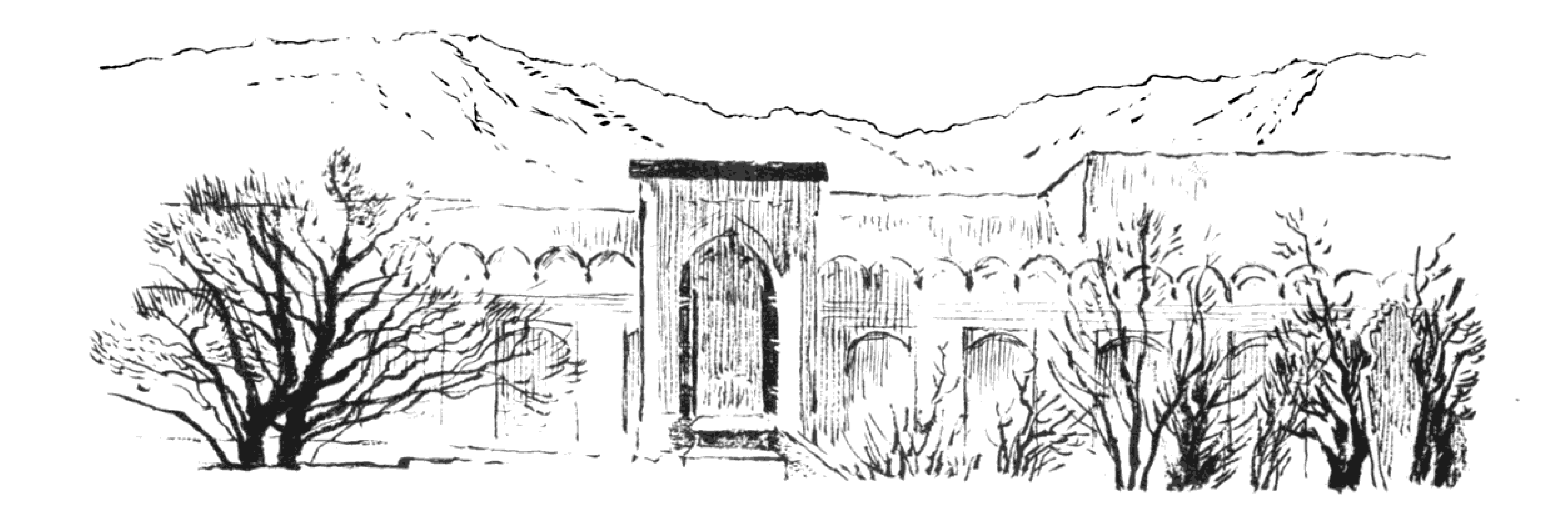
— Знаешь что,— задумчиво говорит Зойка,— построят все эти гидростанции, возьму я в колхозе отпуск и полечу на самолете... И чтобы обязательно ночью: поглядишь вниз, а повсюду огни, огни... Земля светлая станет, красивая. Верно? А своему завклубом сверху открытку сброшу: «Привет мастеру культработы. Догоняй на крыльях любви». Смешно, правда?

— Ничего не смешно... Над любовью не смеются!

— Дашка, иди ужинать! — зовет мать.

Подружки поднимаются. Зойка тормошит приятельнице волосы, сбегает с крыльца и растворяется в сумерках. В доме шофера засветился огонь — первый на селе. Тракторы затихли, затих на краткий срок и полустанок, только скрипит в лугах коростель да стучит на речке веслом о борта лодки дед Федос.

Темнеет.

РАССКАЗЫ ГОРНОЙ СТРАНЫ

Николай ТИХОНОВ

Рисунки О. Верейского.

МОГИЛА БАБУРА

— Чудный сегодня день! Какой холодный и чистый воздух! И пахнет он не то сухими и пьяными травами, не то хорошим белым вином, прямо из подвала. А вон они стоят, горы — не то верблюжьи горбы, не то каменные шатры, заснувшие на зиму. Небо высокое, строгое, просторное, для такой суровой страны и небо правильное. Без шуток, здесь хороший уголок, хорошо, что я придумал пойти именно сюда...

Так разговаривал сам с собою советский ученый Коробов, медленно поднимаясь по лестнице к гробнице султана Бабура.

Он поднимался не торопясь, часто останавливался, с удовольствием вдыхал горный воздух и оглядывался по сторонам. Спешить ему было некуда.

Он возвращался из Индии с делегацией ученых. Сейчас одни из них поехали в музей, недалеко от города, где предались всестороннему рассматриванию старинных мечей и ружей, вышитых тканей, минеральных коллекций, изделий из слоновой кости; другие отправились знакомиться с городом.

Он был в Афганистане не впервые и хорошо был знаком с достопримечательностями Кабула. Поэтому он поехал в место, которое ему нравилось как тихий, уединенный уголок, где хорошо побродить и подумать наедине.

Вот почему он с самой серьезной сосредоточенностью осматривал ограду из белого мрамора, всю изрезанную тончайшими узорами и надписями, снова постоял над беломраморной плитой, под которой лежал прах основателя огромной Могольской империи, существовавшей несколько столетий.

Могила эта находилась как раз между старым городом и тем новым Кабулом, который не успел построить Аманулла-хан. К несуществующему городу вели прекрасно разросшиеся большие аллеи пирамидальных тополей и крепких, с могучими ветвями карагачей.

С высокого склона, занятого старым парком, над которым господствует могила Бабура, была видна Кабульская долина, погруженная в холодный покой зимнего утра.

Прогуливаясь вдоль ограды, Коробов наслаждался тишиной пустынного места, широкой панорамой окрестностей, и то, что окрестности эти представляли скопление невысоких угрюмых гор, внизу которых темнели бурые кустарники и оголенные деревья, ничуть его не смущало.

Он отдыхал и после утомительной дороги и после множества людей, которых видел в своей поездке. Конечно, если бы он был первый раз в Кабуле, он тоже отправился бы в музей или на базар. Теперь же он хотел одиночества.

Но с одиночеством у него не вышло. Неожиданно к нему подошел высокий старый афганец в европейской одежде, свободно владевший английским языком, так же как и Коробов. После поклона и нескольких учтивых любезностей, обязательных для восточного человека, он сказал:

— Простите меня великодушно, но мы с вами знакомы. Нас познакомили в советском посольстве, на приеме.

— Да, да,— сказал удивленный Коробов, рассматривая темное, шафранного цвета лицо с живыми большими глазами и чуть крючковатым носом.

Афганец погладил седую, аккуратно подстриженную бороду, и на его пальце Коробов увидел толстое серебряное кольцо с геммой. По этому кольцу он вспомнил все. Да, его познакомили с этим человеком, который беседовал с ним об Афганистане, о зеленом драконе мечети Аннау, разрушенной последним землетрясением, о борьбе с пустынной саранчой и о многом другом.

Гемма была настоящая, стоящая, прекрасной работы. Теперь, вспомнив все подробности вечера, Коробов сказал просто, что он узнал почтенного своего собеседника и очень рад, что судьба снова свела их, так как тот разговор в посольстве был интересен для них обоих.

— Я подошел к вам,— сказал старик,— не только потому, что видел вас тогда мельком. Я подошел к вам потому, что мне понравилось ваше внимание ученого и философа, оказанное этому месту, которое я очень люблю и почитаю. Я видел, что вас привело сюда не праздное любопытство, и даже если бы я не знал, что вы ученый, я все равно отдал бы дань уважения тому, что вы выбрали для своего раздумья место, избранное поэтом как пейзаж, который может украшать само бессмертие...

Коробов, скрыв свое удивление, скрыл и истинную причину, приведшую его сюда, пробормотав, что исторические места всегда привлекают и в них есть что-то, что ты уносишь в памяти с благодарностью.

Афганец посмотрел на него внимательно, с мягкой улыбкой и сказал:

— Я хожу сюда часто, я очень люблю Бабура!

— За что вы любите Бабура? — машинально спросил Коробов, совершенно равнодушно услышавший это имя, но его уже интересовал этот странный афганец, его спокойная, уверенная речь, его настойчивость.

— Я люблю Бабура за то, что он любил Кабул. Если у вас есть время, мы можем прогуливаться вместе, я не люблю сидеть, а вы?

— Я тоже,— сказал Коробов.— У меня есть время, потому что я условился с моими товарищами, что после осмотра музея они заедут за мной или пришлют машину. Но, простите, вы ученый историк?

— Нет,— сказал, сделав отрицательный жест, его собеседник,— нет, я не ученый историк. Я патриот своей страны, я учился и жил много в Европе и даже занимался политикой. Но я ушел от нее. Я живу искусством и философией, я изучаю Бабур-намэ. Я чуть-чуть хромаю, как вы видите, и в шутку зову себя Азис-лэнг — хромой Азис, я хромой старый любитель истории, не больше. Хромой шайтан — есть такой французский роман. Мы сошлись с Бабуром на нашей общей любви к Кабулу. Он любил его, как женщину. Он, повелитель Индии, султан красивейших городов, выбрал его не только для жизни, но и для вечного покоя. Это место, где мы сейчас с вами, он назвал при жизни как место своей гробницы. Он был молод в Кабуле. Пусть его породила ваша Фергана, но он стал настоящим кабульцем. Он воспел его по-разному, помните его стихи:

Пей же вино в замке Кабульском, чашу за чашей пей,
потому что он город и река, и степь, и гора над ней.

Нет, это не Мулла Мухаммед, не Таиб Муамман сочинил этот стих. Это он сам. А как он писал прозой: «Климат Кабула восхитителен, и нет другой страны в мире, которая могла бы сравняться с ним в этом отношении»!

Он воевал и писал во много раз лучше Юлия Цезаря, с которым его неудачно сравнивают на Западе. Он ездил на лошади, как лучший джигит. Он был замечательный пловец: он переплывал Ганг. А как он понимал стихи! Когда великий Алишер-бек, которого он

См. «Огонек» №№ 9, 10.

Сумгаитские трубы

Есть много общего в судьбе двух молодых городов — азербайджанского города Сумгаита и грузинского — Рустави. Оба выросли близ столиц союзных республик, стали за последние годы центрами молодой металлургической промышленности Закавказья.

В минувшем году сумгаитский трубопрокатный завод выдал свою первую продукцию. Теперь она известна не только на нефтяных промыслах Советского Союза, но и в Китае, во многих странах народной демократии — Румынии, Албании...

А. АЛЕКСАНДРОВ

Фото С. Кулишова и М. Фришмана.

Свет в литовских селах

Вдоль берегов быстрой реки Довине раскинулись поля колхоза «Шешупе». На горке видны кирпичные общественные постройки. Колхозные дома выстроены в два ряда. Вечерами поселок озаряется ярким светом недавно выстроенной гидроэлектростанции.

Таков сегодняшний день литовского поселка Сувалкии, как и многих других поселков республики. Резко отличаются они от убогих, обросших мхом хуторов, не так давно располагавшихся на тех же землях. Электричество используется не только в быту, оно обмолачивает и очищает зерно, мешает бетон, качает воду.

Широко применяется в колхозе и различная техника. Почти 80 процентов всех полевых работ выполняют машины. В прошлом году доход колхоза превысил миллион рублей, члены артели получили богатый трудодень.

Ю. АСТИКИС

Фото Х. Левина.

назвал бесподобным человеком, написал «Весы стихотворных размеров», и это отметил Бабур в своих записках. «Она очень несовершенна, эта книга,— написал он,— приведя размеры двадцати четырех рублей, он сделал ошибку в четырех размерах, в некоторых других метрах он тоже ошибся. Человеку, осведомленному в просодии, это будет заметно».

Заметьте, что он сам слагал стихи только по определенным, важным случаям, когда у него было полно сердце и ум приходил в волнение. Он не писал пустых стихов. Когда злобный Хасан Якуб, задумав ночное предательское нападение, сам был по ошибке поражен стрелой своего же солдата, Бабур написал:

Не думай, сделав зло, что спрячет мир безбрежный,
Возмездие — закон природы неизбежный.

Он был широк. Он понял Нанака. Кто в Европе знает Нанака? Гуру Нанака, этого просветителя индийцев и основателя религии сикхов, который имел смелость в то время заявить: нет ни индуса, ни магометанина. Вспомните ужасную судьбу бабидов в Иране и поразитесь тому, что Бабур отпустил Нанака на свободу, разрешив ему проповедовать свою веру всем желающим его слушать. Неповторимый Бекзад изобразил Бабура читающим книгу в весеннем саду. Так и должен был он изобразить его. Кстати, Бабур направил послов из Индии в Москву с предложением быть в дружбе и братстве с Россией. Я прошу простить меня за то, что я рассказываю о Бабуре вам, которого, может, все это совсем не интересует...

— Что вы, что вы! — сказал Коробов, невольно зараженный искренним волнением Азис-хана. — Я слушал вас с большим вниманием, потому что, по правде говоря, первый раз в Афганистане я беседую с таким пламенным поклонником старины.

— Первый раз! — в свою очередь воскликнул афганец и, остановившись, внезапно спросил: — Вы же бывали у нас неоднократно, вы, верно, уже знакомы с нашими древностями? Вы видели Бамиан, вы посещали Балх?

— Бамиана я не видел, имею о нем слабое представление, в Балх я раз совершил прогулку, свернув с маршрута, правда, очень давно это было. Видите ли, если бы я был ученым-археологом, то я, может быть, влюбился в памятники древности, какими переполнен Афганистан. Но я ученый, можно сказать, прозаического уклона, я специалист по борьбе с пустынной саранчой — этим худшим врагом земледельцев и садоводов. Это совсем другая вещь. В старину в этом было еще что-то от романтизма, саранча — бич божий, наказание аллаха, но теперь мы, повозившись с этими бледнозелеными ордами, добились того, что, если они снова появятся у вас ли в Афганистане, у нас ли в Средней Азии, мы встретим их во всемогуществе сегодняшней науки и техники. А когда мы много лет назад начинали борьбу, картина была ужасающая, вроде нашествий тех древних завоевателей.

Я помню такой Мервский оазис, в котором не осталось ни бахчей, ни полей, ни деревьев. Ну, потом мы саранчу разгромили по всем правилам науки, но для этого мне и моим товарищам-специалистам пришлось долго заниматься изучением ее особенностей и не только у себя, на советской территории, но и в Афганистане, в Ираке, Иране, Пакистане, Индии, даже на благословенных берегах Аравии. Вот почему я хорошо знаю, как живут афганские крестьяне, кочевники там, на юге, я знаю ваши города и деревни. Да, я бы не сказал, что это легкая жизнь. Между прочим, я побывал и в Балхе.

Это было в самый жар лета. В какой-то старой книге я прочел о зное: «Если бы тень можно было продавать и удобно свертывать, за нее могли бы брать какую угодно цену. Даже клочок тени под лошадиной подпругой, и тот был бы предметом сбыта». Вот такая жара окружала меня на раскаленных песках, когда я обходил стены Балха, осматривал Башню разведчиков. Я унес только хорошее воспоминание о мечети Парса, которая светилась своей голубой мозаикой, побеждавшей голубизну неба. Но тени не хватало. Мы не располагали ни временем, ни возможностью подробно рассматривать эти мертвые стены и

курганы, под которыми погребены тысячелетия...

— Я понимаю, что вы человек, которого не может интересовать история пустынного города развалин, как археолога, но вы ученый советской культуры, и я хочу с вами поговорить о другом. Мы подошли к мысли, которая меня одно время очень мучила, — сказал Азис-хан,— и вот какая эта мысль. Вот вы сказали: ужасные груды щебня... а это Балх, где много веков назад был расцвет наук и искусств, Балх, где сменились греки, буддисты, христиане, мусульмане. Арабы назвали город матерью городов. Там, как вы сказали, раскаленный песок. В древние времена можно было проехать от Балха до Мерва дорогой, обсаженной деревьями, тенистой в самую страшную жару. А вы сегодня хотели купить там любой клочок тени за любые деньги. Жаль, что вы не видели Бамиана. Там до сих пор стоят одни из самых удивительных статуй в мире, по высоте и величию не имеющие себе равных. Стали бы воздвигать статуи, подобных которым не знает просвещенное человечество, люди-пастухи, люди-невежды? Бамиан! В этом месте встречалась греко-бактрийская культура с культурой буддийской, индийской. Греция там подавала руку Индии и Китаю. Волна эллинизма была так сильна, что доплеснула до глубин индийского искусства. Где все это? Все исчезло. Когда Европа видела ребяческие сны человечества, здесь создавались великие государства, великие культуры. Вы знаете, что Тимур-лэнг назвал несколько селений у Самарканда именами европейских столиц, и, между прочим, там были селения Мадрид и Париж. Он считал, что надо назвать эти селения именами отдаленных маленьких государств, расположенных так далеко от его необъятной империи. Теперь Балх и Бамиан — пустыня.

Афганистан не мог развиваться. Его торговое значение рухнуло в тот день, когда португальцы бросили якорь у берегов Индии. А потом пришли англичане в Индию, и с этого времени больше не ищите роста культуры или искусства. Восток был унижен, раздавлен, ограблен. Я думаю сейчас о времени и о народе. И вот, когда я так думаю, мне кажется, что только коммунисты в Средней Азии положили начало удивительному расцвету жизни с бесконечными возможностями в будущем. Вы впервые после упадка Средней Азии, который становился глубже и безнадежней,

сделали все для развития в ней настоящего прогресса.

— Видите, — сказал несколько смущенный таким поворотом разговора Коробов,— если взять Среднюю Азию последних лет царизма и сегодняшнюю, то можно подумать, что вы находитесь в совершенно другой стране. Между ними нет ничего общего. Если тридцать пять лет назад азиатские долины погружались в темноту с наступлением вечера, то теперь всюду сияет электрический свет. Там, где люди задыхались от безводья, вы увидите большие волны Узбекского моря. Каналы пересекли Голодную степь, и перед первой водой, пущенной в эти каналы, танцевали лучшие артистки, каких ранее не знала Азия. Автомобили идут по дорогам Памира, проходящим через перевалы на высоте вершин Гиндукуша, чтобы доставить грузы туда, где столетиями вилась жалкая ишачья тропа. Там, где люди умирали с голоду, стоят колхозы-миллионеры. Это значит, что у этих колхозов миллионные доходы от урожаев. Хлопок, о котором редко кто знал в горных краях, залез в такие места, где шлялись только волки да тигры. И урожайность этого хлопка в семь с половиной раз выше индийского, а Индия — родина хлопка. Арбы скрипели по всем дорогам, а теперь знаменитый поэт пишет поэму о последнем арбакеше своей республики. Нет старого Ташкента, есть грандиозный город, полный садов, театров, школ, парков, магазинов, в нем много фабрик и заводов. Вы увидите всеобщую грамотность. Училища имеются в самом маленьком кишлаке. Из деревни идут учиться в Ташкент, в Сталинабад, в Алма-Ату, Ашхабад, Фрунзе, в Москву, наконец! Куда хотите! Пустыня! В любом ее уголке — ученые и пастухи, инженеры и ирригаторы, и люди в пустыне живут, не замечая, что она мрачная и ужасная. Они ее хозяева, и она боится их, а не они ее. Вся прошлая жизнь этих мест сгинула бесследно, и с трудом вы набредете на ее слабые следы. Из Термеза в Кабул самолет летит полтора — два часа, через Гиндукуш. Это ведь не расстояние. Право, стоит прилететь посмотреть страну, которая никогда так не жила, как сейчас; я еще не умею рассказывать, да всего и не расскажешь. Я только по мере сил ответил на ваш вопрос...

— Да, это так и есть, — сказал Азис-хан, — вы хорошо ответили мне.

Азис-хан замолчал, и несколько времени они прохаживались молча. Потом он начал говорить, как показалось Коробову, несколько иным голосом, ровным и более уверенным. То ли он постеснялся своего волнения, то ли устал от длинных речей, но он заговорил сначала очень тихо, потом снова голос его приобрел силу:

— Я много думал и думаю о своей родине. Я прихожу сюда, на могилу Бабура, и здесь мне думается легче и глубже. Был большой эмир, отошедший в свое время к милости аллаха. Я назову имя Абдуррахмана. Он думал о будущем страны. Он рассуждал так: если у нас нет больше силы расширить свои владения, если слишком могущественны наши соседи, мы будем развиваться мирно, жить тихо и процветать, став Швейцарией Азии. Но так как мы больше Франции и некоторых других стран, то мы привлечем к себе туристов тем, чем не обладает Швейцария, маленькая, скучная, всем надоевшая. Я ее видел.

У нас горы выше, и вершины их не видели альпинистов. У нас есть такие развалины, такие раскопки, каких нигде не найдете. У нас можно ловить форель в быстрых речках и охотиться на медведей, леопардов, тигров, на фазанов, на уток, на кого угодно. Приезжайте, и мы разведем для вас молочное хозяйство на таких лугах, каких вы не увидите в вашей карманной Европе. Вот и решен вопрос, как и чем жить. Столько отелей и охотничьих хижин, столько лавок с древностями, столько альпийских лагерей и стадионов для конькобежцев и дорожек для лыжников!.. Хорошо, правда?

Да,— сказал он, вдруг засмеявшись отрывистым смехом, — все хорошо, одно плохо: Афганистан не Швейцария, афганский народ не захочет так жить. И не будет. Меня спрашивал один приезжий путешественник, почему так много кладбищ в долине Кабула в пустынных местах. Он думал, что это древние какие-то кладбища остались после живших давно людей. «Нет,— сказал я,— это кладбища героев, защищавших Афганистан от чужеземных нашествий. Это могилы воинов, которые не пустили иноземцев в страну. Зачем их потомкам становиться слугами потомков этих иноземцев? Афганский народ — другой народ суровый, бедный народ».

Вы ехали по стране, вы видели ее и ее людей не раз. Вы видели, как крестьянин обмолачивает собранные в мешок уже после уборки колосья, подобранные в поле, колотя деревянным молотком по мешку, положенному на камень. Вы видели, как тяжело живется простому человеку. И все-таки наши мужчины свободолюбивы, а женщины у нас такие, что недаром говорят еще со старых времен: поезжай обогащаться в Индию, веселиться в Кашмир, а жену бери себе у афганцев. Я вас не утомил своей беседой?

— Я слушаю вас с большим интересом, — сказал Коробов,— но мне кажется, своеобразие страны мешает вам добиться того, что облегчило бы положение народа, особенно бедных, простых людей.

— И на это я отвечу вам небольшим рассказом, который я слышал от серьезного человека и действие которого происходит в наш век. Еще совсем не так давно в старой, славной Бухаре правил эмир, и этот эмир был жестокий и мрачный повелитель. Его боялись, как огня, беки, сидевшие в своих бекствах далеко от Бухары, они знали, что рука эмирского гнева достанет до них в их глубоких горных норах.

И вот, чтобы задобрить эмира, бек, живший на земле около Пянджа, послал ему в подарок замечательного барана, такого большого, такого красивого, такого жирного. Двум крестьянам-беднякам велели отвести его эмиру в Бухару. «Но, — сказали им, — смотрите за бараном так, чтобы он был всем доволен. Если он не дойдет живым до Бухары, помрет по дороге, будете сами в Бухаре повешены. Вы отвечаете за барана головой».

Крестьяне-бедняки повели барана. Им дали на дорогу гребень — расчесывать его шерсть

Республика-сад

Республика-сад — так говорят о Молдавии. В любом ее уголке встретишь то виноградники, то овощные плантации, то сады, в которых есть и яблоки, и груши, и сливы. Когда весной до самого горизонта сады утопают в белом дыму цветения, старики невольно восклицают: «Такого не приходилось видеть в прежнее время!»

Особенно заметные перемены произошли в Молдавии за послевоенные годы. С помощью всего советского народа республика быстро восстановила разрушенное фашистами и расширила свое производство. На молдавской земле выросла мощная, оснащенная новейшей техникой пищевая промышленность. Число реконструированных и вновь построенных предприятий достигло двухсот пятидесяти. Созданы совершенно новые отрасли промышленности: кондитерская, макаронная и крахмало-паточная.

Полностью автоматизирован цех по производству томатного сока на Тираспольском консервном заводе имени К. Е. Ворошилова.

Консервы и масло, вино и сахар, сыр и конфеты, мясные продукты и мука — эту продукцию республики хорошо знают во многих городах и селах Советского Союза. Уже сейчас одна Молдавия дает консервов больше, чем вся царская Россия. Каждая четвертая бутылка нашего вина произведена в Молдавии.

В ближайшие два — три года в республике будет построено более ста новых предприятий. Здесь осваивают много новых видов пищевых продуктов.

В. РУДИМ

Фото А. Кричевского.

и золотой песок — посыпать ему рога, чтобы все видели, что это баран, предназначенный самому эмиру.

Каждый день они ухаживали за бараном, как за родными детьми не ухаживают: расчесывали шерсть, мыли его, рога посыпали золотым песком, пасли на отборной траве, пить давали только родниковую воду. Можете представить себе ужас крестьян, когда баран вдруг отказывался пить и есть: ему не нравилась трава или вода была не по вкусу. Они спали рядом с ним, чтобы его не украли. И так они шли, все дальше удаляясь от родных мест и все ближе подходя к Бухаре, которая снилась им то милостивой, то страшной.

Наконец настал вечер, когда они вошли в кишлак, очень близкий к городу Бухаре. Их поразило то, что, несмотря на вечер, народ так шумел, столько было вооруженных людей, и бедняки со страху подумали, что кишлак захвачен разбойниками.

Сначала на них не обращали внимания, потому что все слушали речи и веселились, кричали, стреляли в воздух из ружей. Но когда они с бараном подошли поближе, чтобы узнать, что это за т а м а ш а, то их барана схватило несколько человек.

— Стойте, стойте, дорогие! — закричали в испуге бедняки.— Что вы делаете? Не хватайте нашего барана — беда будет большая всем.

— Какая беда? Да кто вы такие? Откуда вы пришли? Сами нищие, а баран с позолоченными рогами.

— Мы ведем этого барана эмиру от нашего бека...

— Вот это хорошо, — закричали все вокруг, — теперь баран пойдет нам на ужин! Плов будет на весь кишлак.

И они потащили барана, несмотря на крики бедняков.

— Нельзя трогать барана,— кричали они,— эмир нас повесит за него!

— Эмира нет,— закричал народ,— эмир убежал из Бухары! Бухара наша. А раз Бухара наша, и баран наш...

— А бек нас убьет за барана! — плакали бедняки.

— А бек сбежит, как эмир, пока вы домой доберетесь. Помогайте лучше нам приготовить барана.

И крестьяне-бедняки пошли с народом, таща барана на лужайку, где уже разводили большой костер.

Это рассказал мне бывший здесь один ваш советский ученый, таджик. Рассказ подлинный, так как один из этих двух бедняков был его отец.

— Что вы хотите сказать этим рассказом? — спросил Коробов. — Это почти восточная притча...

— Это правда наших лет. Я хотел бы, чтобы у нас, скажем, через тридцать лет, у тех крестьян, что вы видели молотящими зерна в мешках, сыновья стали учеными.

— Что я могу вам сказать на это? — отвечал Коробов. — Конечно, будет замечательно, если придет такое время, что сын крестьянина-бедняка сможет стать ученым. У нас в Советском Союзе это уже не вопрос. Вы сами в этом убедились...

Азис-хан сказал:

— Я не буду утомлять вас рассказами о своей семье. Это слишком сложно, и для вас не представляет интереса. Поэтому я скажу вам только о моем племяннике Амире, которого я воспитываю в своем доме, как родного сына. Я думаю, чтобы он стал настоящим афганцем, он должен проникнуться нашими народными традициями и быть верным духу любви к нашей истории.

Воспитание молодого, горячего человека, имеющего деньги, самостоятельного и красивого,— нелегкое дело. Как говорит народная мудрость: «Человек, жадно хватающийся за богатство и удовольствия или жаждущий их, похож на ребенка, который лижет мед с острия ножа. Не успеет он почувствовать вкус сладости, как уже ощущает боль от раны на языке».

Я учу его скромности, гордости, храбрости и, главное, честности. Он не смеет лгать мне. И он, уверяю вас, никогда не лжет. Я могу гордиться Амиром. Он не похож на современных молодых людей, которые кутят с англичанами или американцами и далеки от своего народа. Но я сумел внушить Амиру любовь к истории нашей родины и к ее великим людям. Это так. Он любит меня, и жаль, что вы не увидите его. Он сопровождает меня охотно на могилу Бабура, но он уехал в Джелалабад навестить одного своего больного приятеля...

Азис-хан взглянул на могилу Бабура, мимо которой они уже не раз проходили.

В это время они услышали доносившийся снизу шум, гудок машины, на лестнице послышались веселые, громкие, молодые голоса. По лестнице подымалась к могиле группа молодых людей.

— Отойдемте в сторону, — сказал брезгливо Азис-хан, — есть сорт туристов, которых я не переношу. Мне противны даже их голоса, в которых вы слышите только самодовольную пошлость. Я бы запретил таким людям посещать места исторического значения.

Они отошли и стали, скрытые старыми деревьями с холодными коричневыми стволами. Одним глазом Коробов увидел, что в группе две американские девушки и два молодых афганца в европейских костюмах, очень модных. Пестро одетые девушки, широко, помужски шагали впереди, за ними следовали два красивых молодых человека. Оживленно и громко разговаривая, поминутно смеясь, они прошли к могиле Бабура. Коробов услышал, как защелкали фотоаппараты, потом раздался голос одной из молодых туристок:

— Это и все? О, я уже видела много таких могил в Индии и в Персии! Кто же это здесь теперь? Как он называется?

— Это Бабур, — ответил ей молодой человек. — Я предупреждал, Бетти, что тут будет скучно. Конечно могила есть могила.

— В общем они все одинаковы, — сказала другая девушка, — ничего нового. Разница в деталях. Вы согласны, Амир?

— Мне тоже кажется, — ответил Амир, — что все могилы одинаковы, как одинакова смерть. И все старые и скучные...

— Я устала, Амир, и хочу пить. Тут нет бара поблизости? Ну, что я спрашиваю? Какой тут может быть бар?! Почему это у вас все так еще не устроено? Дикая все-таки у вас страна, дружок. Тут-то и надо, чтобы все было под рукой. Такой прелестный холм и старинный памятник! Ну, становитесь, Амир, я вас сниму, так и быть, на фоне этой доски. Это, кажется, мрамор. Вот так. Благодарю вас, но больше не возите нас на могилы.

Другая девушка почти закричала:

— Хватит, поехали в город! Мы, кажется, сегодня заслужили, чтобы вы нас повеселили как следует. — И, сделав шутливый полупоклон могиле, она сказала: — До свиданья, дядюшка Бабур! Покойной ночи!

Так же шумно, как и появилась, компания сбежала по лестнице, и скоро гудок возвестил об ее отбытии в город.

Коробов, наблюдавший за всей происшедшей сценой сквозь сплетения голых ветвей, не глядел на Азис-хана и только сейчас, взглянув, увидел потемневшее лицо и сверкавшие глаза, блеск которых выдержанный афганец тщетно хотел потушить.

И вдруг Коробов понял, что племянник Амир, который должен был быть сейчас в Джелалабаде, покорный, влюбленный в старину, только что был здесь с двумя разбитными американками, для которых ничего не значил осмотр одной лишней могильной плиты.

Так они стояли молча, точно Бабур только что закопан, и им хочется побыть у его могилы. Но снизу снова загудела машина, и Коробов, узнав гудок, сказал, несколько даже растерявшись:

— Это за мной. Разрешите мне с вами попрощаться...

Азис-хан, углубленный в свои мрачные мысли, не сразу понял его, потом пожал ему руку, прижал обе руки к груди, сказал: «Счастлив день, когда встречаешь друга по сердцу», — и отступил на шаг назад, все еще кланяясь, но было видно, что спокойствие стоило ему дорого и давалось с трудом.

И если бы, дойдя до лестницы, Коробов оглянулся, он бы увидел, что старый афганец стоит неподвижно и смотрит в сторону печальных, сизых зимних гор, рассматривая их так пристально, точно видит их в первый раз.

Но Коробов не оглянулся. Он спустился с лестницы большими шагами и пошел к автомобилю, откуда его уже приветствовали товарищи по делегации.

Как большой народный праздник проходят в Китае выборы в местные собрания народных представителей. По сообщению газеты «Женьминьжибао», депутаты избраны уже в провинциях Жэхэ и Цинхай, в большинстве районов провинции Сикан, а также в Шанхае, Аньшане, Чанчуне... На снимках: регистрация избирателей на одной из шанхайских фабрик; в день окончания выборов в Аньшане избиратели пронесли по улицам города празднично украшенный стенд с именами народных депутатов.

Фото агентства Синьхуа.

Воздух

Пабло НЕРУДА

Я шел по дороге
и встретился с воздухом,
поклонился ему и сказал
с уважением:
«Рад я,
что ты в этот раз
позволяешь увидеть себя, —
сможем мы говорить».
Неутомимый,
танцуя, он листья качнул,
смехом своим
с подошв моих пыль отряхнул,
поднял синие снасти
над стеклянным своим
кораблем,
поднял веки — из легкого ветра
они —
и стал меня слушать.
Поцелуем приник я к плащу
властителя неба,
я закутался в знамя его
из небесного шелка
и сказал:
«Царь ли, товарищ ли,
пряжа ли, венчик цветка или
птица,—
я не знаю, кто ты,
но прошу об одном:
не продавайся!
Вода продалась,
и я видел,
как в трубах,
в пустыне,
иссякли последние капли,
а бедные люди, народ,
шли по песку,
шатаясь от жажды.
Я видел, как свет по ночам
распределяли:
полный свет — богачам
в их дома,—
там в новых висячих садах
все стало зарей;
а вся темнота —
в страшный мрак переулков;
оттуда выходит,
как мачеха, ночь
с кинжалом на уровне
совиных очей,
и крик, а за ним преступленье
вырастают и гаснут,
проглочены мраком.
Нет, воздух,
не продавайся,
ты-то хоть не продавайся!
Пусть тебя не отводят, как воду,
пусть тебя не погонят по
трубам,
пусть тебя не запрут,
пусть тебя не сожмут,
пусть тебя не загонят в
таблетки,
пусть в бутылке тебя не убьют!
Берегись!
Ты меня позови,
когда буду я нужен тебе.
Я — поэт, и я — сын бедняков,
их отец я,
их родственник, дальний и
близкий,
их брат я,
брат бедняков,
всех бедняков моей родины,
всех бедняков каждой родины.
Тех, кто живет у реки,
тех, кто в отвесных горах
камень дробит,
кто доски сбивает,
шьет платье,
сахарный рубит тростник,
землю долбит.
Поэтому я и хочу,
чтоб дышали они.
Все, что есть у них,— ты!
Оттого и прозрачен ты:
чтоб видеть могли они
то, что завтра придет;
ради этого и существуешь ты,
воздух!
Дай собою дышать,
не давай заковать себя в цепи,
не верь никому
из тех, кто приедет на
автомобиле,
чтоб тебя расценить.
Скройся от них,
смейся над ними,
шляпы с них сбрось,
не принимай
никаких предложений от них!
Вместе с тобой мы пойдем
по свету, танцуя,
с яблонь сбивая цветы,
в двери входя
и насвистывая
песни
прошедших и будущих дней.
День придет, он однажды
придет:
освободим мы
воду и свет,
человека и землю!
Все будет — для всех,
как ты.
Но пока
берегись!
И со мною иди.
Нам с тобою немало
танцевать остается и петь.
Мы выйдем
в морские просторы,
на горы поднимемся вместе.
Мы с тобою пойдем
к новой весне —
она расцветает уже,—
и порывами ветра
и песни
мы всем людям дадим
цветы, ароматы, плоды
и радость
грядущего дня.

Перевел с испанского
О. САВИЧ.

«Добро пожаловать!»

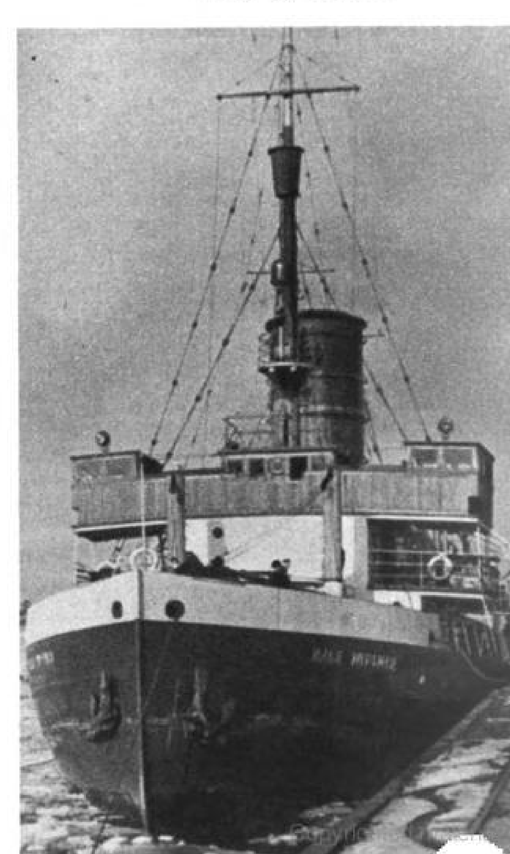
Ледокол «Илья Муромец» прокладывает дорогу во льдах для торговых кораблей, идущих в Рижский порт. Много сейчас здесь судов. Они пришли из Англии, Аргентины, Дании, Швеции, Финляндии, Польши.

В буржуазной Латвии труд грузчиков называли каторжным. На причалах не было механизмов. После нескольких дней изнурительного труда грузчики подолгу ждали работы, жили впроголодь. Теперь над Даугавой высятся стрелы портальных, грейферных и пловучих кранов. На причалы вышли автопогрузчики, контейнеры, автотележки, подвижные грузоподъемники, трюмные машины.

На одном из кранов алеет плакат: «Добро пожаловать!». Его видят моряки всех судов, прибывающих в Рижский порт.

Н. ХРАБРОВА

Фото И. Семина.

НАРОД ОБСУЖДАЕТ ЗАКОНЫ

Доярку Марию Каневу слушали с большим вниманием...

Кладовщик МТС Ян Скоупы считает, что успех дела — в местной инициативе.

— Поедемте в Волары,— предложили мне чешские друзья.— Там будет интересное собрание граждан. Вы услышите, как население оценивает работу местных национальных комитетов и что советует на будущее.

Можно ли было не воспользоваться этим приглашением? В середине января правительство Чехословакии вынесло на всенародное обсуждение проект новых законов о национальных комитетах. За девять лет существования народной власти население убедилось, что органы эти — основа народно-демократического строя. Каждый трудящийся чех или словак связывает с ними ту громадную работу, которая проделана под руководством Коммунистической партии Чехословакии для улучшения благосостояния всего народа. При всем том в деятельности национальных комитетов имелись и серьезные недостатки. Нынешней весной по стране пройдут первые выборы местных органов власти на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайной подаче голосов. Происходившая недавно всенародная дискуссия была преддверием выборов. Во всенародном обсуждении проектов участвовало 2 миллиона 300 тысяч трудящихся.

3 марта Национальное собрание Чехословакии утвердило законы о национальных комитетах.

* * *

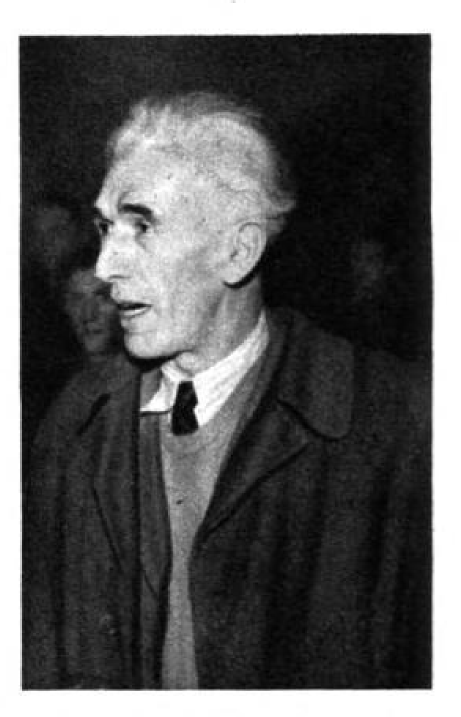
В Воларах, маленьком местечке, расположенном в горах Шумавы, как и всюду в стране, новым законопроектам было уже посвящено несколько бесед и встреч граждан. И хотя общее собрание созвали в воскресенье, зал был полон — пришло более четырехсот человек.

Краткий доклад председателя местного национального комитета Яна Шафранека зал слушал с благожелательным вниманием. То один, то другой слушатель кивал головой в знак согласия — да, верно: построены новые дома, местечко получило школу, амбулаторию, ясли, Дом для приезжих и вот этот Дом культуры, где проходит собрание. Порой по рядам пробегал шелест оживления. Было ясно, что граждане Волар имеют и кое-какой счет к комитету за недоделки и упущения.

Началось обсуждение. Учитель Франтишек Барта, седовласый, сухощавый человек, берет слово первым. Он явно волнуется:

— Какое наследство от старого строя получили мы, а вместе с нами и наш национальный комитет? В прежние времена в нашей школе каждую зиму было так холодно, что замерзала вода. Теперь у нас тепло. Созданы все условия для занятий. Успеваемость учеников,— Барта гордо оглядел присутствующих,— просто замечательная! Национальный комитет пробудил полезную инициативу родителей — в школе устроена столовая. Пусть же новый состав комитета, который мы изберем весной, расширит свои связи с гражданами нашего маленького городка.

Присутствующий на собрании министр юстиции Чехословакии Вацлав Шкода призывает всех открыто и ясно изложить свои претензии к Воларскому национальному комитету, помочь большому государственному делу своими поправками и предложениями.

Учитель Франтишек Барта взял слово.

— Это верно, что многое у нас еще не сделано,— говорит пожилая крестьянка Мария Канева. Она рекомендуется присутствующим:

— Я доярка из пригородного сельскохозяйственного кооператива. Национальный комитет мало внимания уделял животноводству,— продолжает она с горячностью.— Скота у нас много, да вот беда: продуктивность низкая из-за плохой кормовой базы. Пусть национальный комитет позаботится об этом.

Потом говорит с места зоотехник государственного хозяйства Иозеф Марек. Он полностью поддерживает Марию Каневу: «она подняла большой государственный вопрос».

— Пусть национальный комитет изо дня в день выслушивает советы таких людей, как Мария Канева, и держит с ними постоянную связь! — восклицает Марек. Собрание дружно аплодирует.

Из глубины сердца идут слова Ангелы Кочаковой, работницы пригородного лесного хозяйства:

— Больше надо вникать в нужды народа — вот что хочется мне посоветовать комитету. Расскажу про себя: жила я раньше так бедно, что девочкой в школу не в чем было ходить, так и осталась неграмотной. Сейчас гляжу на детей своих и не нарадуюсь: учатся они, одеты, обуты, спасибо правительству за это от матери! Но пусть национальный комитет подумает и о нас, неграмотных...

Один за другим выступают люди и напоминают, что еще надо сделать, что будет сделано. И при этом требуют: «местные органы власти должны больше опираться на народ!» О больших вопросах государственного устройства и вопросах местной жизни участники собрания говорили так, что в их речах чувствовалась уверенность подлинных хозяев своего городка и своей округи.

— Самостоятельно надо решать вопросы — вот в чем дело!— сказал один из последних ораторов, кладовщик МТС Ян Скоупы.— Тогда работа у нас пойдет быстрее и лучше, а то порой видишь: хорошее начинание, а чахнет, не успев вырасти. Задумают что-либо люди сделать — сами не решаются, обращаются в район, оттуда пишут в область... время идет, а толку нет. Пусть новый национальный комитет больше пользуется своим правом решать дела на месте, а мы уж поможем...

Собрание давно кончилось, уже вечер, но люди не расходятся; они продолжают обсуждать местные дела, задушевно беседуют с членом правительства республики, министром юстиции. Он здешний, «родак» (земляк). Вацлав Шкода жил по соседству, в селе Кукле, Писекского района, тут же неподалеку работал председателем районного национального комитета. И хоть поздно и не близок путь до Праги, «родак»-министр долго и внимательно слушает и записывает то, что говорят ему земляки, не успевшие высказаться на собрании.

Михаил ЯРОВОЙ

Прага.

На высоте 1700 метров

Взгляните на карту Киргизии и Казахстана. Пробив дорогу в скалах Тянь-Шаня, с бешеным ревом несется река Чу к Боомскому ущелью. И, лишь промчавшись сквозь него, словно устав, растекается она по Чуйской долине. Не получая ниже реки Курагаты ни одного притока, Чу делится на многочисленные рукава, теряет огромное количество воды из-за испарения, постепенно мелеет и, наконец, пропадает в небольшом озере, не дойдя 110 километров до Сыр-Дарьи...

Влаги, которую дает река, едва хватает на орошение возделанных участков; об освоении же новых земель люди веками не могли и мечтать. Вот почему в директивах XIX съезда КПСС было сказано о строительстве на территории Киргизской ССР Орто-Токойского водохранилища — это даст возможность оросить десятки тысяч гектаров плодородных, но пока лишенных влаги земель.

В семнадцати километрах от Иссык-Куля, там, где Чу течет, сжатая с двух сторон гранитными скалами, решено преградить реку плотиной. В результате на высоте 1 700 метров над уровнем моря образуется озеро длиной в 18 и шириной в 5 километров. В нем будет собираться до 500 миллионов кубометров паводковых вод. Понятно, какой огромный напор должна будет сдержать плотина, но на строительной площадке не видно стальной арматуры, шпунтов, железобетона и других привычных для гидростроителей материалов. Дело в том, что на Орто-Токое создается мощная плотина насыпного типа.

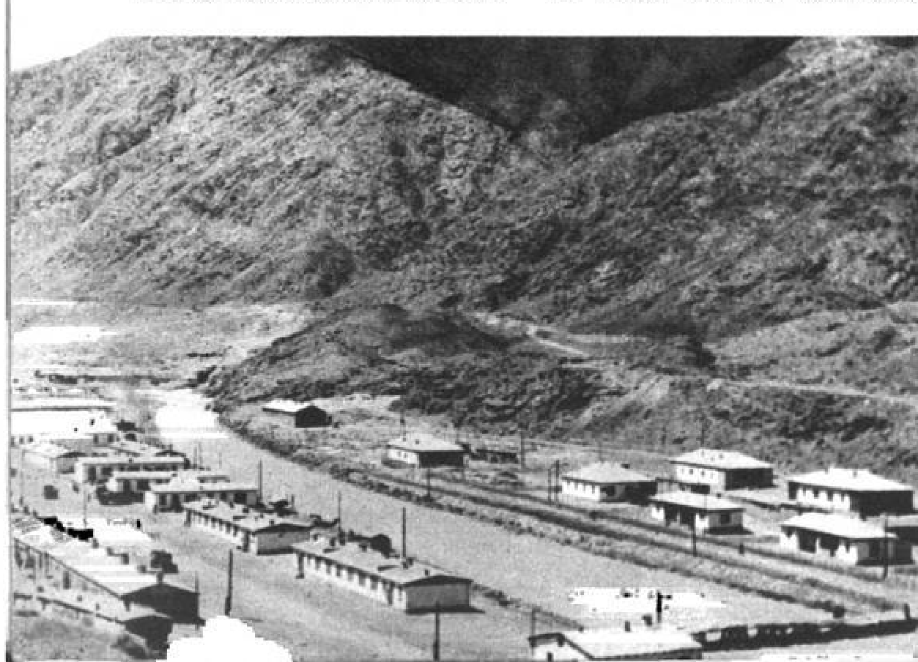
Пожалуй, самым трудным для проектировщиков и строителей была прокладка тоннеля, по которому воды озера будут выходить на поля. В скале пробили трубу длиной почти в шестьсот метров и такой ширины, что в ней свободно могут ехать две легковые машины!

Много изменений произошло в ущелье Орто-Токое с тех пор, как сюда пришли строители. За последние полгода здесь сданы в эксплуатацию 42 многоквартирных дома, больница, клуб, средняя школа, кинотеатр и другие сооружения. Создавать водохранилище киргизскому народу помогают русские и украинцы, узбеки и казахи, туркмены и белорусы. Москва прислала автомашины, Ленинград — электромоторы, Минск — мощные самосвалы, Молотов и Архангельск — сборные дома.

Пройдет немного времени, и строительство будет закончено. Уже сейчас здесь поднялись большие поселки. Скоро зацветут садами земли, напоенные влагой, еще радостнее станет жизнь хлеборобов и животноводов.

П. КИСЕЛЕВ

Фото М. Борисова.

В комнате отдыха студенческого общежития Ленинградского электротехнического института имени В. И. Ульянова (Ленина).

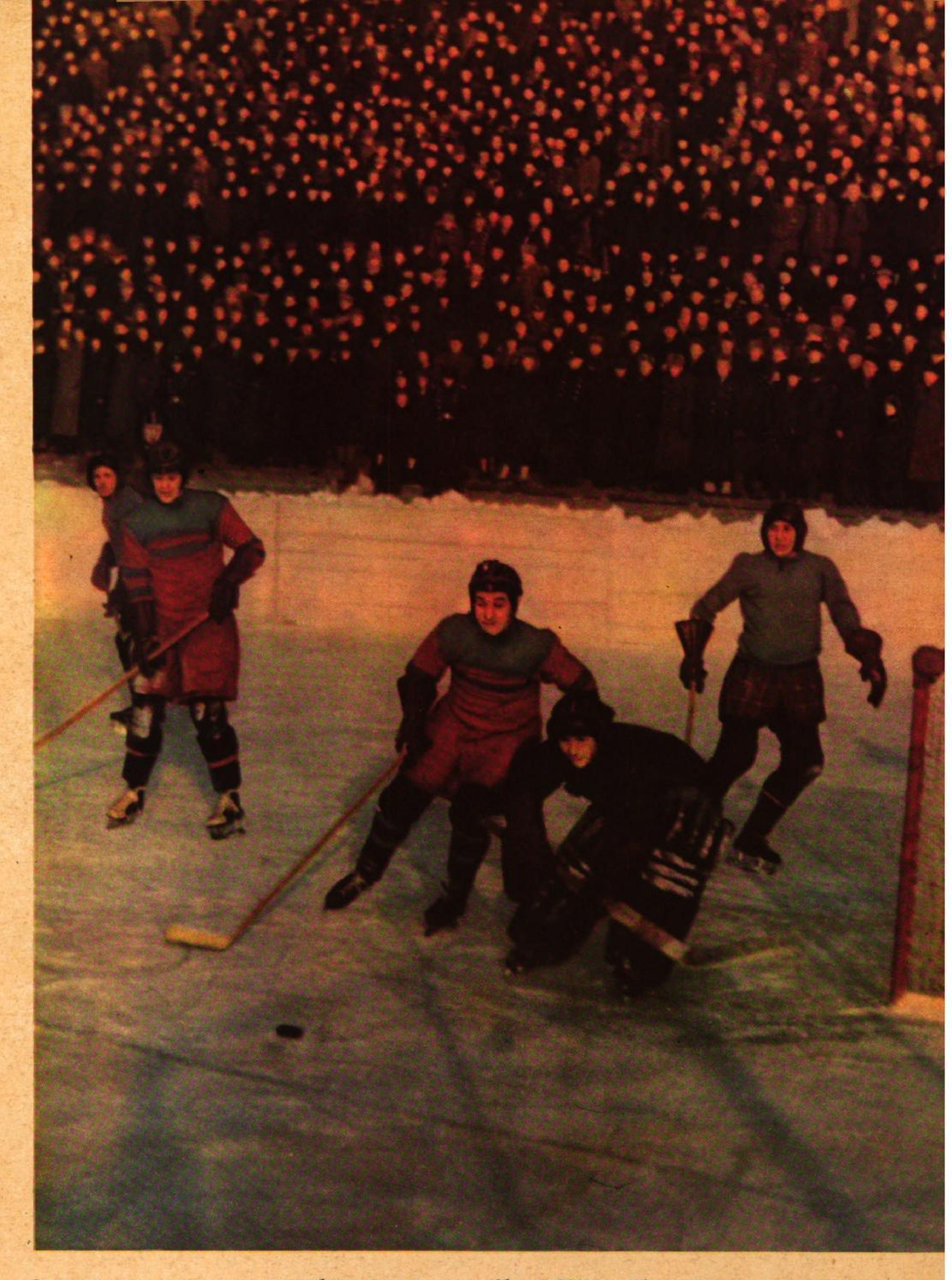
Фото Л. Зиверта и И. Наровлянского.

Выставка цветной художественной фотографии. 1954 год.

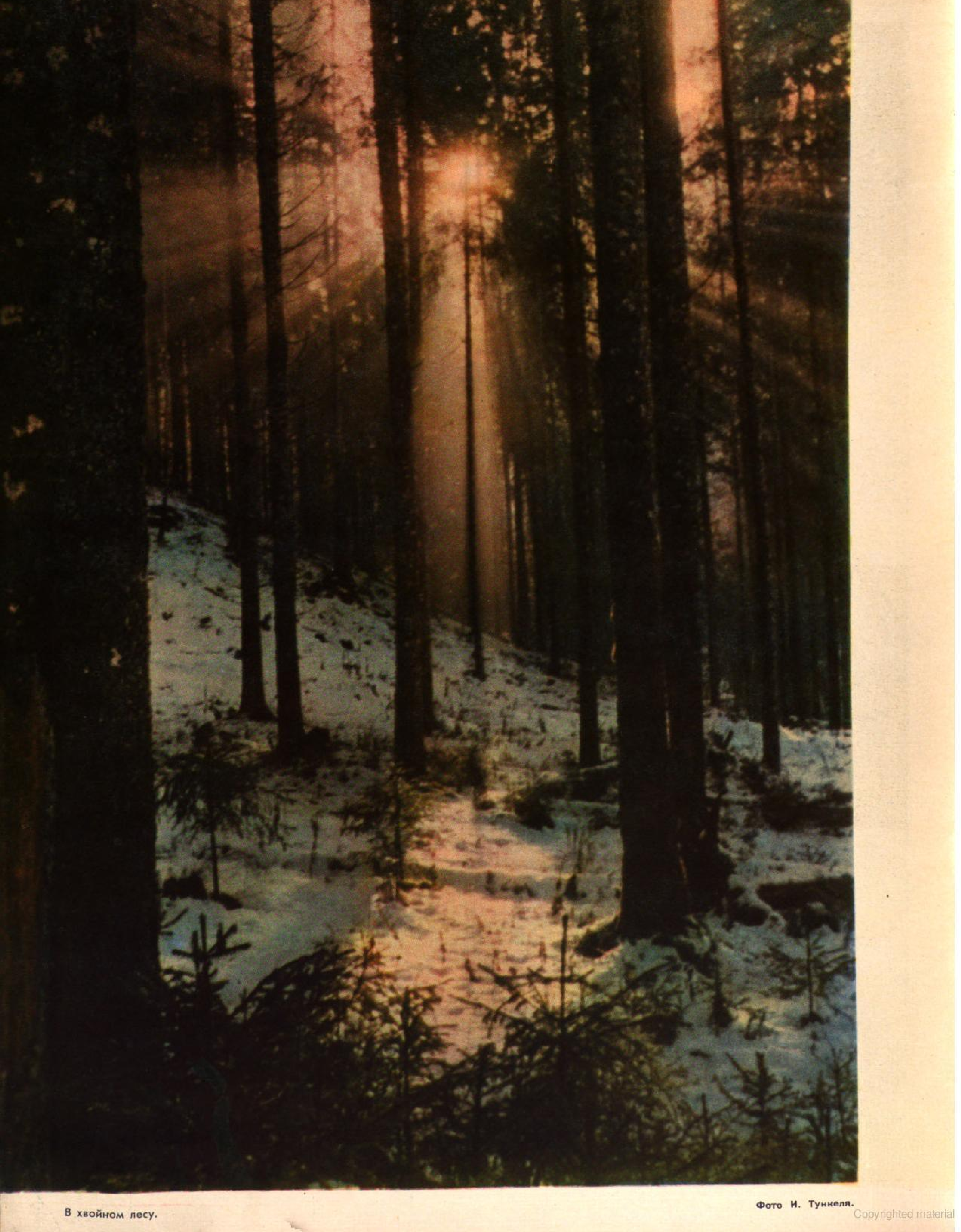
В киевском ремесленном училище полиграфистов № 18. Старейший мастер Евтихий Михайлович Смирный просматривает работу учениц Тамары Вылета и Нины Сапоненко.

Фото Я. Халипа.

Товарищеская встреча по хоккею с шайбой между командами «Сборная СССР» и «Сборная Ленинграда» на московском стадионе «Динамо».

Фото А. Бочинина.

В хвойном лесу.

Фото И. Тункеля.

МЕСЯЧНИК ДРУЖБЫ

Выступление Чрезвычайного и Полномочного Посла Венгерской Народной Республики в СССР А. Складана на вечере венгеро-советской дружбы.

Фото А. Батанова и В. Егорова (ТАСС).

В эти дни проходит месячник венгеро-советской дружбы. Он начался 18 февраля, в день шестой годовщины подписания договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Венгерской Народной Республикой.

28 февраля в Будапештском государственном оперном театре состоялось первое выступление Государственного ансамбля народного танца СССР под руководством Игоря Моисеева. На концерте присутствовали первый секретарь ЦК Венгерской партии трудящихся Матиас Ракоши, председатель Совета Министров ВНР Имре Надь и другие руководители Венгерской партии трудящихся и венгерского правительства, представители общественности Венгрии. Зрители, полюбившие талантливый коллектив во время прежних его гастролей, горячо приняли новую программу ансамбля «Мир и дружба».

В Москве недавно состоялся торжественный вечер советско-венгерской дружбы, организованный ВЦСПС, ВОКСом, Министерством культуры СССР, Академией наук и Советским комитетом защиты мира. В Колонном зале Дома Союзов собрались работники московских предприятий, ученые, писатели, учителя, врачи. Присутствовали ответственные сотрудники посольства Венгерской Народной Республики в СССР во главе с Чрезвычайным и Полномочным Послом А. Складаном.

Вечер прошел в сердечной и дружественной обстановке.

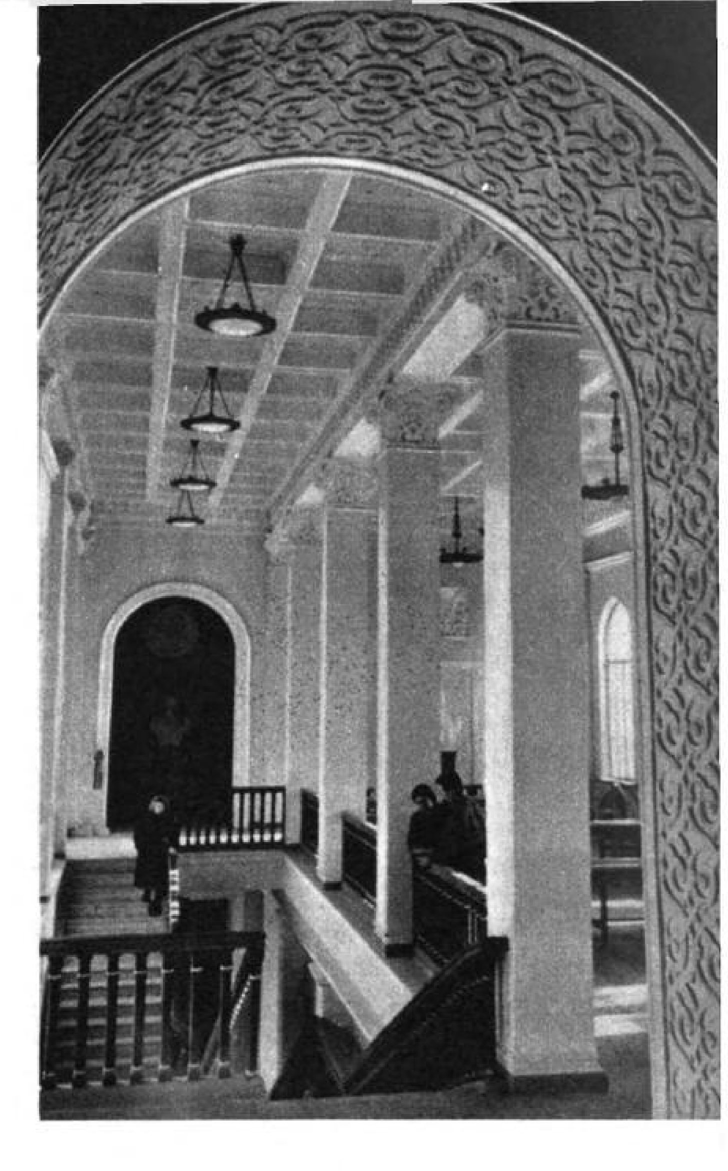
Гости столицы

В Москве 4 марта открылась декада литовской литературы и искусства. Тепло встречают зрители спектакли театров оперы и балета и драматического. В переполненных концертных залах с большим успехом проходят выступления Государственного ансамбля песни и танца, объединенного хора Государственной филармонии Литовской ССР.

На снимке: работники искусства столицы приветствуют литовских гостей.

Фото А. Батанова и В. Егорова (ТАСС).

Библиотека имени Фирдоуси

Среди многих культурных учреждений, которыми обогатился Таджикистан за последние годы, особое место занимает Государственная публичная библиотека имени Фирдоуси. Новое здание библиотеки выстроено на центральной магистрали Сталинабада — улице Ленина — и является одним из самых красивых зданий столицы республики.

Свыше 700 тысяч томов собрано в Публичной библиотеке имени Фирдоуси. Здесь есть ценнейшие старопечатные издания классиков таджикской литературы, книги по истории Таджикистана, справочные материалы.

В новом здании библиотеки — пять читальных залов, десятки кабинетов. Книгохранилище расположено на семи ярусах.

А. КАРЕВ

Фото Н. Софьина.

Концы с концами...

Не так давно в газете «Нью-Йорк таймс» появилась очередная карта расположения основных американских военных баз за пределами США. Известно, что пропаганда Соединенных Штатов Америки вовсю трубит об «оборонительном» назначении этих баз, однако в порыве безудержного хвастовства печать нередко проговаривается и не сводит концы с концами.

В журнале «Юнайтед стэйтс ньюс энд уорлд рипорт» за 25 декабря прошлого года была помещена небольшая статья, которая может служить комментарием к этой карте.

«89 крупных военно-воздушных баз,— говорится в статье,— расположены в Европе, Азии, Северной Африке, на Ближнем Востоке, на островах Тихого океана и среди вечных снегов Арктики». На заморских базах служит более половины личного состава военно-морского флота США. Журнал, не стесняясь в выражениях, заявляет, что американский флот «обеспечил себе господство» на Тихом океане и прибрал к рукам жизненно важные морские коммуникации в Европе. «А Средиземное море, — нагло хвастает «Юнайтед стэйтс ньюс»,— которое, по существу, является американским озером(!), охраняется, как надежным полицейским, огромным военным флотом США».

Выступления журнала и карта, помещенная в газете «Нью-Йорк таймс», никак не соответствуют разглагольствованиям некоторых американских политических деятелей о якобы оборонительных целях «Атлантического», «Тихоокеанского» и им подобных пактов.

ЛУЧШИЕ СКОРОХОДЫ СТРАНЫ

...Саппоро, Давос, Эстерсунде, Осло — названия этих городов то и дело слышались в публике, с напряженным вниманием следившей за тем, что происходит на ледяных дорожках свердловского катка. Тысячи зрителей повторяли имена Бориса Шилкова, Олега Гончаренко, Лидии Селиховой, Риммы Жуковой — замечательных скороходов, завоевавших первенство мира и Европы, победителей многих международных товарищеских встреч.

Абсолютные чемпионы страны Борис Шилков и Римма Жукова.

Фото Ю. Добронравова

Многочисленных «болельщиков» волновало, какие же результаты покажут лучшие скороходы в Свердловске, где разыгрывалось лично-командное первенство СССР.

В соревнованиях приняли участие 189 лучших конькобежцев. Наряду с известными спортсменами успешно выступала и талантливая молодежь.

По сумме четырех дистанций первенство СССР завоевал Б. Шилков, на втором месте — О. Гончаренко, на третьем месте — двадцатилетний конькобежец Ю. Кислов.

Первенство СССР среди женщин завоевала Р. Жукова, второе место заняла Л. Селихова, третье — Т. Рылова.

Командное первенство завоевала первая команда РСФСР.

А. ГРИГОРЬЕВ

Армянские шелка

...Шел 1937 год — год первых выборов в Верховный Совет СССР. В каменную степь с высот седого Арагаца спустились колхозники. Они прорезали пустоши каналами, покрыли их берега садами и тутовыми плантациями, начали разводить шелкопряд.

Вскоре колхозное шелководство стало давать столько сырья, что на его базе была построена небольшая ткацкая фабрика, названная именем Степана Шаумяна. С годами рядом возникли чулочная и трикотажная фабрики, предприятия, вырабатывающие кожу, лакокраски, мебель, различные пищевые продукты. Выросший поселок Шаумян давно перешагнул установленные для него границы, превратился в городок.

Недавно здесь появилась еще одна новостройка — шелкоткацкая фабрика имени В. И. Ленина. Она уже заняла несколько кварталов вдоль главной улицы поселка. Красивые корпуса из розового туфа приятно гармонируют с цветочными клумбами, кружевом чугунных оград.

Армянские текстильщики получают братскую помощь от великого русского народа и других народов нашей страны. Москвичи стояли у колыбели новой фабрики, разрабатывали ее проект. Монтировать оборудование помогали специалисты из Иванова. Десятки молодых работников новостройки прошли свою первую школу у мастеров с фабрики «Красная Роза».

Фабрика еще не до конца освободилась от лесов, а уже дает стране сотни тысяч метров чудесных шелковых тканей. Уже сейчас здесь выпускают в два раза больше шелковых тканей, чем на всех остальных фабриках республики.

А. БАГДАСАРЯН

Фото Р. Геворкяна и З. Бштикяна.

СОВЕТСКИЕ ХОККЕИСТЫ — ЧЕМПИОНЫ МИРА И ЕВРОПЫ

Хоккейная команда СССР — победительница первенства мира и Европы.

Фото А. Бочинина.

Члены советской спортивной делегации переживают сейчас волнующие минуты. Наши хоккеисты, впервые принявшие участие в первенстве мира, добились победы над канадской командой и заняли первое место. Сейчас, после этого решающего матча, остальные перипетии долгой борьбы отошли на задний план. Перед глазами еще стоят все эпизоды только что закончившегося матча.

Не многие верили в то, что команда СССР сможет добиться победы над командой Канады, четырнадцать раз выигрывавшей мировое первенство. Теперь эта победа официально зафиксирована в судейском протоколе.

Итак, канадцы побеждены! Но прежде чем рассказать об этом решающем матче, надо вспомнить путь, пройденный спортсменами.

Представьте, что вам в первых числах марта пришлось побывать на Стокгольмском королевском стадионе. Под неумолкаемый гул и непрерывное скандирование зрителей проходят состязания.

Во время встречи шведских хоккеистов стоит особенно большой шум. Это и понятно: зрители волнуются за своих. Перед трибунами в оранжевом свитере появляется один из работников стадиона. В его руках флажок, которым он взмахивает, и вот трибуны дружно скандируют, призывая свою команду усилить борьбу. «Вперед!» — разносится над стадионом.

Наиболее интересные матчи состоялись в последние, решающие для первенства дни.

1 МАРТА.

Основные кандидаты чемпионата — хоккеисты Канады встречаются с хоккеистами Швеции. Опытные шведские спортсмены явно растеряны. Команда в глухой защите. Канадцы — полные хозяева игры. Они побеждают с крупным счетом — 8 : 0.

2 МАРТА.

Еще один интереснейший матч: СССР — Чехословакия. Команды уже встречались много раз, и каждое их состязание проходило исключительно напряженно. Теперь снова разгорается упорная борьба.

«Это был рекордный по красоте матч», — писала газета «Экспрессен».

Первый период закончился со счетом 1 : 1. К концу второго периода советским спортсменам удалось выйти вперед — 3 : 2. Этот результат удерживался почти до конца встречи, но на последней минуте неутомимый Всеволод Бобров забросил еще две шайбы. Победа за нашими спортсменами — 5 : 2.

5 МАРТА.

День больших встреч. Канадцы выступают против команды Чехословакии. Неизвестно, как бы сложилась эта игра, если бы не неудачи чехословацких вратарей Рихтера и Калоуха. Они явно подводили свой коллектив, пропустив несколько легких шайб. Итог состязания — 5 : 2 в пользу канадских спортсменов.

Особенным упорством отличался матч СССР — Швеция. Лишь в начале третьего периода шведским хоккеистам удалось открыть счет. Наши спортсмены бросаются в ответную атаку. Но тут, как назло, портится погода: начинается сильнейший снегопад. Снегу намело так много, что шайба теряется в нем.

В этих труднейших условиях наши спортсмены штурмуют ворота противника, и за 6 минут до конца состязания Шувалов сравнивает счет. Ничья — 1 : 1.

6 МАРТА.

Чехословацкие спортсмены удачно начинают встречу с командой Швеции. На первых же минутах они проводят две шайбы. Но на этом их успехи и заканчиваются. Инициативой овладевают дружно играющие шведские хоккеисты, среди которых особенно выделяется нападающий Свен Юханссон. Команда Швеции выигрывает это важное для себя состязание со счетом 4 : 2.

7 МАРТА.

Перед решающими матчами сложилась следующая обстановка: лидируют спортсмены Канады, причем результаты состязаний говорят о подавляющем их преимуществе. Советские хоккеисты отстают от команды Канады на одно очко. Встреча этих двух коллективов, которая состоится сегодня, должна выявить чемпиона мира.

Нужно сказать, что канадские спортсмены ведут себя самоуверенно. Еще за несколько дней до решающего матча канадский тренер заявил в печати, что его команда победит советских хоккеистов с разницей минимум в 4 шайбы.

Накануне встречи в одной из шведских газет была опубликована карикатура. Гигантского роста канадец, как ученика, усаживает за парту маленького советского хоккеиста. Текст гласил, что канадцы научат русских, как играть в настоящий хоккей.

...Утро. За завтраком советская делегация отмечает день рождения двух хоккеистов: нападающему А. Уварову исполнилось 32 года, а защитнику А. Виноградову — 36 лет. Руководитель делегации Б. Мякиньков преподносит им подарки.

Бобров шутит:

— Сегодня подарки всем нужны: все мы будем именинниками.

...Наши хоккеисты понимают, что команда Канады — серьезный противник. Но, тем не менее, они уверены в победе. Что же питает эту уверенность? Прежде всего трезвая оценка силы канадцев. Канадцы не любят головокружительного темпа, теряются, когда их превосходят в скорости. Значит, главное — навязать противникам высокий темп игры, атаковать их всей командой и заставить их обороняться.

Таков был общий план игры советских хоккеистов. И когда начинается матч, зрители первые минуты не могут придти в себя. Что происходит на ледяном поле? Все собравшиеся на стадионе ждали наступления канадцев, но атакуют советские спортсмены.

Непобедимые доселе канадцы ошеломлены. Они с трудом отбиваются, посылая шайбу куда попало. Наши же спортсмены действуют очень точно, умело разыгрывают комбинации.

На пятой минуте Н. Хлыстов быстро передает шайбу назад А. Гурышеву. Удар с хода! Гол! Проходит еще несколько минут, и В. Шувалов с подачи Е. Бабича забрасывает вторую шайбу.

Стадион гудит. Никогда еще зрители не видели такой стремительной, такой четкой и красивой игры. Симпатии шведов явно на стороне советских спортсменов.

Канадцы все чаще нарушают правила, толкая наших нападающих, допуская недозволенные приемы. Тем не менее хоккеисты СССР продолжают успешно вести атаки. В. Бобров проводит третью шайбу, а вслед за ним М. Бычков — четвертую.

Исход встречи фактически решен. Советские спортсмены становятся полными хозяевами игры. Правда, в начале второго периода лучшему канадскому нападающему Галанду удается отквитать один гол, но наша команда в ответ на это забрасывает еще три шайбы.

В заключительном периоде хоккеисты Канады смогли отквитать всего один гол, и эта решающая игра закончилась со счетом 7 : 2. Большая победа советских хоккеистов!

В честь нового чемпиона мира и Европы звучит Гимн СССР. На самой высокой мачте королевского стадиона взвивается алый флаг Советского Союза.

— Мы не ожидали такой превосходной игры советской команды, — сказал после состязания тренер канадцев. — У русской команды есть чему поучиться даже нам, канадским хоккеистам...

В. ФРОЛОВ

Стокгольм.
По телефону.

«Двести свидетелей» — так называется книга, выпущенная в 1953 году киевским издательством «Радянський письменник» на украинском языке. В этой интересной книге, составленной И. Тельманом, собраны письма и высказывания жителей западных областей Украины, вынужденных в свое время бежать от нужды и безземелья из родных мест на заработки в Америку.

Вербовщики, охотники за дешевой рабочей силой, сулили украинским крестьянам золотые горы, всячески превознося «демократические» свободы, радушие и щедрость американских боссов.

Бесправие, нужду, безработицу, истощение, болезни — вот что нашли в США труженики Закарпатья, Галиции, Волыни. Многие из них так и не увидели больше родины, своих близких, надорвавшись у заводских конвейеров, в штреках угольных шахт, на крупных сельскохозяйственных фермах. Другие, познав всю горечь безработицы и бесправия, сумели вырваться из американского «рая» и вернуться домой.

О том, как живут теперь в свободной Советской стране девять закарпатцев, вернувшихся с чужбины, и повествует наш фотоочерк.

В рамках — строки из книги «Двести свидетелей».

В. ВИКТОРОВ — *Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.*

ТЕПЕРЬ ОНИ ЖИВУТ ТАК:

ПОД РОДНОЙ КРЫШЕЙ

Одна мечта владела молодым крестьянином из села Среднего Петро Стегуном: построить на месте ветхой отцовской хаты новый дом.

Эта мечта и увела его за океан, в Америку. С этой мечтой спустился он в темный штрек угольной шахты. Он жил на чужбине одной мыслью — накопить денег, вернуться домой и дать кров молодой жене, детям...

Свою мечту Петро Стегун должен был похоронить в недрах американской земли. Ни с чем вернулся он в родное Закарпатье.

И вот теперь на том месте, где стояла ветхая хата его отца, высится новый светлый и уютный дом. Он построен три месяца назад не на деньги, добытые пóтом и кровью на шахте «Весткомпани», а на трудодни, заработанные в колхозе, носящем имя С. М. Кирова.

По всему Закарпатью славится этот колхоз. На его виноградниках взращиваются знаменитые сорта — Рислинг, Леянка, Мускат, Фурминт, из которых изготовляются шампанские вина. На плодородных полях родятся полновесная пшеница и высокосортный табак. В нынешнем году колхоз, в котором трудится Петро Стегун, получил один миллион семьсот тысяч рублей дохода.

Девять новых домов появилось за минувший год в селе, и среди них — дом Петро Стегуна.

В тот день, когда мы побывали в этом доме, там готовился праздничный обед. Елена Стегун испекла пирожки, и ее внуки Мирон и Саша «сняли первую пробу». А вскоре за столом сошлась и вся семья.

«На шахте «Весткомпани», где я работал, существовала особая система ограбления рабочих. Я, например, грузил уголь. Платили по количеству нагруженных вагонеток. Но если приемщик находил в угле хоть кусок породы, за вагонетку угля весом около тонны денег не уплачивали. А как в темной шахте заметить породу?

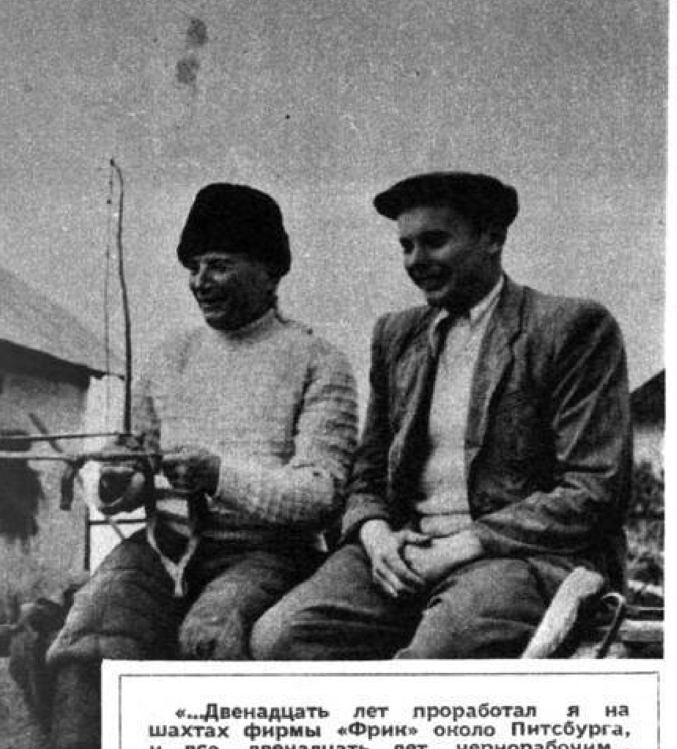
...Когда я решился сказать об этой несправедливости, мне ответили: «У шахтных ворот тебе есть замена».

Петро СТЕГУН

Мирон и Саша «снимают первую пробу» пирожков, приготовленных бабушкой Еленой.

→ Обед в семье Петро Стегуна (сидит в центре).

«...Двенадцать лет проработал я на шахтах фирмы «Фрик» около Питсбурга, и все двенадцать лет чернорабочим... Возле шахты с утра до позднего вечера толпились люди. Одни из них приходили сюда в надежде получить работу, другие, уволенные с работы из-за слабости или болезни, жались у стен проходной, надеясь на милостыню своих товарищей, еще не уволенных с шахты.

Нищенство безработных у ворот предприятия, где они прежде работали,— явление весьма распространенное в Питсбурге, как и во всей Америке...»

Михайло ПОЖО

Отец и сын Пожо отправляются на работу.

1000 ТРУДОДНЕЙ

Михайло Пожо, крепкого, румяного человека, которому пошел седьмой десяток, нелегко застать дома. Он весь день в поле. Не многие могут потягаться с ним. Несколько лет старый Пожо работает в колхозе имени Кирова, и он неизменно в первом ряду. Вот и теперь на его счету 560 трудодней. Даже сын, молодой Михайло Пожо, отличный работник, и тот уступает отцу. Вдвоем они выработали свыше тысячи трудодней, получив около 9 тысяч рублей деньгами, 15 центнеров пшеницы и много других продуктов.

Мы встретили отца и сына Пожо ранним утром на колхозном дворе. Кони уже запряжены: пора на виноградники!

«В 1928 году Америка избирала президента. Перед выборами к нам в ночлежку явились какие-то люди. Одеты они были, как рабочие, но чувствовалось, что это люди не трудящиеся.

— Ну, кто желает получить 20 долларов? — сказал один из них.

Второй прибавил:

— Такого случая скоро не будет.

Я удивился. Кто же задаром даст столько денег! Ведь за 20 долларов простому рабочему нужно поработать немало. Спросил соседа-норвежца.

— А ты, верно, тут недавно, — ответил он. — Это парни из Таммани-холл. По 20 долларов они дают тому, кто на выборах будет голосовать за их кандидата. Здесь уж так заведено. Только тебе от этого никакой пользы: ведь ты не имеешь права выбирать...»

Юрий ТОВТЫН

— Великое право я получил — право голоса,— говорит Юрий Товтын.

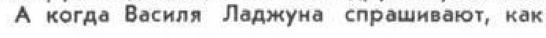
ВЕЛИКОЕ ПРАВО

Юрия Товтына, видевшего своими глазами всю подноготную выборов в США, ныне жителя закарпатского села Горяны, члена артели имени Жданова, мы увидели на колхозном дворе. Шла погрузка удобрений на сани, прицепленные к трактору. Быстро, с азартом работали веселые украинские девчата, однако старый Товтын не отставал от них. Но вот он остановился и сказал:

— Нет, придется идти переодеваться.

— А что же вы таким франтом сегодня вырядились, дид Юрко? — спросила одна из колхозниц.— Навоз грузить при галстуке, конечно, несподручно.

— А на избирательный участок без галстука идти сподручно? — ехидно спросил Юрий Товтын.— Я ведь сегодня приглашение получил проверить свою фамилию в избирательном списке. Для вас-то это, может, дело обычное, а для меня — нет. Великое право я получил — право голоса...

СВЕТЛЫЕ НАДЕЖДЫ

Человек, искавший счастье во всех штатах, живет сейчас в закарпатском селе Дубровка. Он секретарь партийной организации колхоза «30 лет Советской Армии». Мы встретили его, когда он торопился в правление артели. Там в обеденный перерыв Василь Ладжун назначил встречу с коммунистами села: надо срочно обсудить ряд важных вопросов, связанных с выборами в Верховный Совет СССР.

Ладжун избран председателем Дубровской избирательной комиссии. Дело большое, ответственное, а избирательная кампания совпадает с кампанией посевной. Весна на пороге, и встречу ей Ладжун готовит не только в своем виноградарском звене, но, как партийный руководитель, и на всех других участках.

А когда Василя Ладжуна спрашивают, как он справляется со всем размахом работ, он улыбается и отвечает:

— Так я же не один — нас двенадцать.

Василь Ладжун имеет в виду партийную организацию колхоза — отряд сельских коммунистов, шесть лет тому назад создававших вместе с ним колхоз и неустанно добивающихся его дальнейшего расцвета.

Процветает и семья Ладжуна: старшая дочь, Елена, окончив медицинский техникум, работает фельдшером на соляных копях, Ирина, Верона и Анна трудятся вместе с отцом.

Светлыми надеждами пронизан каждый день жизни Василя Ладжуна.

«Прожил я за океаном девять лет, обошел все штаты. Работал на заводе в Индианополисе. Штамповал детали каких-то машин, а каких, сам не знаю. Рабочему там не положено знать, что к чему. Осмелился как-то сказать мастеру, что в цехе нет вентиляции, а он в ответ ударил меня по лицу плеткой со свинцовым наконечником. Я упал, товарищи водой отливали. Но это я еще хорошо отделался. У нас в цехе работали грузчиками два корейца. Надсмотрщики дубинками их забили до смерти».

Василь ЛАДЖУН

Василь Ладжун (стоит в центре) собрал коммунистов.

СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ ИВАНА ЛЕНДЕЛЯ

«...Если подсчитать, то из прожитых в Америке восьми лет я был безработным 60 месяцев.

Я увидел, что в Америке для меня жизни не будет, но вырваться из американского «рая» тоже не мог: не было денег на дорогу. Мне часто приходила в голову мысль о самоубийстве...»

Иван ЛЕНДЕЛЬ

— Да вот что запишите: две тысячи гектаров нашей колхозной земли принадлежали раньше крупному помещику... — говорит Иван Лендель.

Иван Лендель досказал нам историю своей жизни в Америке. Ценой огромных усилий удалось ему наконец накопить деньги на обратный проезд. Он вернулся в 1931 году, не имея ни гроша за душой, жить было негде. Хорошо еще, что помещик Вайбергарн смилостивился: продал в рассрочку на три года

клочок земли, на которой можно было поставить хатенку...

А вот нынешний день закарпатского крестьянина Ивана Ленделя. Он коммунист, председатель одного из лучших колхозов Закарпатья, колхоза имени Сталина.

Все первоклассное хозяйство создано под руководством человека, батрачившего некогда на американских и закарпатских богатеев...

Показав свои владения, Иван Лендель заторопился: надо ехать в райком партии. Прощаясь с нами, Лендель сказал:

— Да, вот что запишите: две тысячи гектаров нашей колхозной земли принадлежали раньше крупному помещику. Да, да, тому самому Вайбергарну, на которого, вернувшись нищим из Америки, я проработал три года, чтобы получить клочок земли.

МИХАЙЛО МИТРОВКА ДОМА

«Я проработал на американских шахтах 20 лет. Выжав из меня все силы, после увечья, старого и больного, хозяин выгнал меня из шахты. Полуголодный, оскорбленный до глубины души, шел я домой».

Михайло МИТРОВКА

— Принимайте, дед Михайло, под охрану новое богатство,— говорит Митровке заведующая фермой Варвара Кул.

Старый шахтер, выгнанный хозяином, нашел работу и покой в советском Закарпатье. Митровка работает сторожем на свиноферме колхоза «Советское Закарпатье», в родном селе Русские комаровцы. Он один из почетных людей колхоза, а труд обеспечивает ему и семье полный достаток.

ОТЕЦ И СЫН

Юрий Пыпин вернулся на родину в 1948 году, двадцать лет прожив в Канаде и США. Он уехал туда молодым, в расцвете своих сил, и эти силы из года в год высасывали у него капиталистические компании и концерны. Пыпин трудился на строительстве дорог, на лесоразработках, на военных заводах и кулацких фермах, но домой приехал таким же нищим, каким и уехал.

В том году, когда Юрий Пыпин появился в деревне Клочаново, там на богатейших землях создавался колхоз, и Пыпин стал одним из его основателей.

За первый же год жизни в колхозе Пыпин заработал столько, сколько на чужбине за пять лет. Но не только в этом заключается богатство Юрия Пыпина, нового советского гражданина. Большая радость ждала его дома. Сын Андрей, оставленный им малым ребенком, окончил школу, изучил английский язык и стал педагогом. Теперь Андрей Пыпин завершает образование на заочном отделении Киевского института иностранных языков.

— Мой сын здесь, в Советском Союзе,— говорит Юрий Пыпин,— изучил английский язык во много раз лучше, чем я за двадцать лет в Америке...

МОЛОДОСТЬ ВАСИЛЯ ЮРОЧКО

«Моя «американская жизнь» началась с того, что почти месяц я бродил без работы по Филадельфии и угодил в тюрьму «за нарушение порядка»: вместе с несколькими безработными ночевал на скамейке в парке. Вышли из тюрьмы летом. Узнал я тогда, что на хлопковых плантациях Юга нужны батраки, и поехал. Попал в имение одного «лендлорда» вблизи Мемфиса на Миссисипи... Трудились мы по 16 часов в сутки. Спали вповалку в сарае, где зимой помещик держал скот...»

Василь ЮРОЧКО

Василь Юрочко со своей внучкой Аночкой.

Сейчас Василю Юрочко 63 года. С полным напряжением своих сил он работает в колхозе «30 лет Советской Армии» дорожным бригадиром. Василь Юрочко построил новый дом, накупил обновок детям и внукам.

Две дочери Василя Юрочко, Мария и Елена, работают учительницами, Анна и Елизавета трудятся в колхозе, сын Василь — ревизор ужгородского банка, а младший, Иван, учится в восьмом классе.

Молодость окружает Василя Юрочко, и он сам чувствует себя бодрым и молодым.

ДВЕ СУДЬБЫ

Ганна Вербич в своем новом доме.

«Дорогая Ганна!

С моих слов это письмо пишет тебе один наш земляк, который получил уже советский паспорт и возвращается к вам, на родную землю. Он и передаст тебе это письмо...

Сообщаю, Анна, что нет уже на свете твоего брата и моего мужа Юрия Вербича... Однажды утром Юрко пошел на железную дорогу и больше не вернулся. Я нашла его у насыпи. Он надорвался, таская тяжелые кули с зерном...»

Ноябрь 1949 года. Алтуна. Штат Пенсильвания. США.

Почти пять лет минуло с того дня, как пришло это скорбное письмо из Америки в закарпатское село Дубровку и Ганна Вербич узнала о смерти своего брата. Но по сей день носит Ганна Вербич траур по Юрко, до сих пор слышится ей голос отчаяния, донесшийся к ней из-за океана.

Уехал Юрко Вербич с семьей на заработки в Штаты и погиб там, оставив троих детей и жену без всяких средств, без крова над головой. Сестра же его, Ганна, осталась на родной земле. И вот мы застаем ее в новом, недавно отстроенном доме.

«За все годы пребывания за океаном я получил постоянную работу только во время войны... Но вот окончилась война, многие заводы закрылись, снова начались скитания безработных. И меня ждала такая судьба, если б я не вернулся на Закарпатье, которое стало свободным, советским».

Юрий ПЫПИН

Справа — Юрий Пыпин рассказывает школьникам о жизни за океаном.

«ПОЗОР НЬЮ-ЙОРКА»

Ральф ПАРКЕР

Рисунки Бор. Ефимова.

Природа не терпит пустоты...

«Новый, с иголочки, гангстерский синдикат, ворочающий многими миллионами долларов, обосновался в городе Нью-Йорке. Он имеет влияние не только на городские учреждения, но и на правительство штата и федеральные власти».

Так начинается одна из первых глав книги американского журналиста Эда Рейда, вышедшей под заголовком «Позор Нью-Йорка». С ее страниц встает образ города-гиганта, опутанного цепями продажности и преступлений. Автор на сотнях фактов раскрывает преступную систему взаимных «услуг», которая связывает организованную уголовщину и нью-йоркские органы власти. В обстоятельной, спокойной, почти протокольной форме автор рассказывает о близких связях и совместных махинациях королей нью-йоркского преступного мира и местных политических боссов, руководителей «партийных машин» обеих американских буржуазных партий.

То, что в Нью-Йорке (как, впрочем, и в других американских городах) «политика» переплелась с уголовщиной в трудно распутываемый клубок, — дело не новое. Год за годом коррупция и бандитизм отравляют жизнь в этом огромном городе. Многие ли из «знаменитых» атаманов нью-йоркского бандитского мира поплатились за свою преступную деятельность? Нет. Их выручали и продолжают выручать все те же «политики», состоящие у них на жалованье. Преступлениям придается соответствующее юридическое «толкование» в судах, где сплошь и рядом сидят судьи, фактически назначенные самим гангстерским «синдикатом». Вымогатели, контрабандисты, содержатели публичных и игорных домов, организаторы убийств из-за угла отделываются, как правило, денежным штрафом.

Автор книги «Позор Нью-Йорка» языком конкретных фактов напоминает читателю, что «моб» [1], фактически захвативший в свои руки контроль над политической и общественной жизнью города, становится все более грозной опасностью для честных американцев.

Эд Рейд отмечает в своей книге, что новый «моб» утвердился в Нью-Йорке в течение последних двух с лишним лет. Это произошло после того, как бывшему мэру города Уильяму О'Двайру пришлось покинуть свой пост,— в 1951 году над ним нависла угроза разоблачений. Но так как «природа не терпит пустоты», место распавшегося гангстерско-полицейского содружества заняло новое.

Как известно, должности в нью-йоркской полиции издавна продавались. В анналах истории Нью-Йорка упоминается «классический» случай: в 1856 году мэр Нью-Йорка Фернандо Вуд обложил назначенных им чиновников полиции денежной данью в пользу своего личного избирательного фонда. Полицейское начальство постаралось возместить эти затраты, получая взятки за укрывательство с содержателей притонов, торговцев наркотиками, воровских и грабительских шаек. Такие взятки имеют даже свое название на нью-йоркском блатном языке — «лёд». Нередко этот «лёд» выдается гангстерами как регулярное ежемесячное «жалованье»...

И вот случилось так, что в 1951 году в одном из районов Нью-Йорка, Бруклине, судебные власти под давлением тысяч жалоб местного населения должны были начать расследование связей полиции с бандитским «синдикатом». Был арестован один из главарей «синдиката», некий Гарри Гросс. Он признал, что ежегодная сумма «льда», которую он выплачивал крупным полицейским чиновникам за укрывательство, составляла около миллиона долларов. Однако Гросс, якобы из благородных побуждений, не пожелал назвать имена своих полицейских сообщников. «Я не считаю возможным вредить этим моим друзьям и их семьям! — воскликнул он. — Этим я разорил бы их. Помилуйте, я бывал у них в гостях, присутствовал на домашних торжествах по поводу окончания школы их детьми! Многие их сыновья сейчас готовы принять священнический сан... Как вы можете требовать от меня этого?»

Мэр О'Двайр принимал самые энергичные меры, чтобы спасти друзей из «синдиката» и выгородить себя и своих подчиненных. Но слишком уж явными оказались улики, и Гарри Гросса пришлось посадить в тюрьму. Самого же О'Двайра срочно отправили послом Соединенных Штатов в Мексику. И вот тут-то новый, полный сил и надежд гангстерский «моб», накопивший многомиллионный оборотный капитал от торговли наркотиками, стал растекаться по каналам, проложенным его предшественниками.

[1] На городском жаргоне означает «шайка»: так именуют в Нью-Йорке подпольный «синдикат» тайных гангстерских сообществ.

«Моб» и «политики»

Новый «моб» ведет свои операции, пожалуй, более тонко и осторожно, чем предыдущий, хотя уровень его доходов отнюдь не снижается.

Вожаки «моба» очень ценят связи, которыми они располагают в нью-йоркских клубах демократической и республиканской партий, в окружных избирательных бюро, среди руководителей желтых профсоюзов. Все это — неплохая ширма для уголовного бизнеса и надежный якорь спасения на случай какой-нибудь административной бури. Вполне естественно, что рыцари уголовного мира всегда готовы в нужный момент оказать помощь своим приятелям из мира «политики».

В книге Э. Рейда много места уделено ноябрю 1952 года.

«Это был месяц «открытий» для жителей Нью-Йорка... Крупные чиновники городских учреждений и полиции, партийные боссы нью-йоркских районов вперемежку с содержателями уголовных притонов длинной очередью стояли в эти дни в помещении комиссии по уголовным делам...»

Нелишне напомнить, что вся эта громкая шумиха с расследованием была предпринята в атмосфере происходивших тогда выборов президента США. В немалой степени заседания комиссии по уголовным делам стали ареной для сведения взаимных счетов между республиканцами и демократами. Но как бы там ни было, картина трогательного братства партийных боссов и вожаков гангстерского «синдиката» выявилась в высшей степени разительная!

В комиссии происходили красочные диалоги.

Допрашивается Альфред Топлитц, демократический «лидер» в первом округе Манхэттена, впоследствии секретарь избирательного участка по выборам в парламент штата. Допрашиваемый мнется, но вынужден признать, что в числе его хороших знакомых были самые «видные» из манхэттенских гангстеров: Майкл Коппола, «Маленький Ауджи» — Пизано — и многие другие, вплоть до «самого» Фрэнка Костелло. Альфред Топлитц не отрицает и того, что все они ласково и фамильярно называли его «Ал», а он их — «Фрэнк», «Майк»...

Допрашивается Сидней Мозес, «лидер» демократов в шестом южном округе Нью-Йорка. Он показывает, что король гангстеров Фрэнк Костелло не только бывал его собутыльником в ресторанах, но осчастливил дом Мозесов, самолично присутствуя на семейном торжестве по случаю совершеннолетия их сына.

Допрашивается Фрэнсис Манкузо, ранее районный прокурор в Манхэттене, а затем один из активных деятелей демократической партии. Манкузо подтверждает, что его и ряд других демократических боссов однажды вызвал в свои апартаменты в шикарном отеле «Стэйтлер» некий Лэрри Коль, одна из «звезд» гангстерского мира. Лэрри Коль в директивном тоне потребовал, чтобы на окружных митингах была вынесена резолюция полного доверия лидеру демократов в муниципалитете Нью-Йорка Кэрмину де Сапио. За это Лэрри Коль обещал купить для клуба демо-

кратической партии дом, предоставив на это от 50 до 100 тысяч долларов.

Фрэнсис Манкузо рассказал в комиссии по уголовным делам и о таком эпизоде: в Вашингтоне в отеле «Балтимор» собралась тесная компания: судья Луис Валент, лидер демократов Нью-Йорка де Сапио, издатель итальянских газет в США Дженерозо Поп, Фрэнсис Манкузо и... «непревзойденный гангстер» Фрэнк Костелло. В этом дружеском кругу, как сказал Манкузо, обсуждались некоторые важные вопросы, вытекающие из вступления в должность нового президента США...

«Водный фронт»

Гангстеры Нью-Йорка «делают политику» и в рабочем вопросе. Разумеется, в интересах капиталистов. Но немало здесь у «моба» и своих уголовно-коммерческих интересов.

Через пристани Бруклина и Манхэттена проходит огромный поток товаров, привозимых из-за океана под флагами десятков стран. В этом потоке постоянно течет невидимая струя контрабандных наркотиков. Этого «товара» ввозится в Нью-Йорк ежегодно на многие миллионы долларов. «Моб», в сущности, использует для этого старые дорожки, протоптанные в годы «сухого закона» контрабандистами — торговцами спиртным. Гангстеры называют эту отрасль своей деятельности «водным фронтом».

Естественно, что гангстерскому «синдикату» нужен безраздельный контроль над нью-йоркским портом. В порту Нью-Йорка повсюду действуют люди «моба». Одни вербуют грузчиков, тщательно отсеивая честных, организованных рабочих и наводняя порт гангстерским отребьем. Другие занимаются вымогательством крупных сумм у судовладельцев. (Упаси боже, если владелец парохода откажется внести дань в пользу «синдиката»!) На службе у «моба» состоят и многие руководители желтых профсоюзов грузчиков: немногим больше года тому назад выяснилось, что пресловутый «вождь» профсоюза докеров Джозеф Райан регулярно получал от гангстерского центра крупные суммы. Выплаты профсоюзным боссам достигали, как показывает Эд Рейд, ста тысяч долларов в год.

Нынешний полномочный представитель «синдиката» в доках Нью-Йорка Томас Марино, огромный рыжеволосый человек, известен в кругу ближайших друзей под кличкой «Тоддо» или «дон Тоддо». Марино сейчас около пятидесяти лет. Впервые он был зарегистрирован полицией как уголовный преступник в пятнадцатилетнем возрасте. С тех пор его арестовывали не меньше пяти раз за «дела», связанные с контрабандой спирта, наркотиков, несколько раз — по обвинению в подстрекательстве к убийству. Еще в 1936 году он начал выполнять в нью-йоркском порту деликатные поручения своих боссов, организовывал штрейкбрехеров, постепенно входя в ту роль, которую он выполняет сейчас.

Теперь Томас Марино — подлинный диктатор в портовых районах Нью-Йорка. Он действует так, словно представляет в своем лице и правительство, и городское самоуправление, и даже органы правосудия. По сути дела, так оно и есть: органы власти охотно «переуступают» Томасу Марино и его бандам такие дела, как срыв забастовок портовых рабочих, кровавые расправы с руководителями забастовщиков, поддержание постоянной атмосферы террора в порту. Полиция и налогово-финансовые органы, конечно, отнюдь не заинтересованы в прекращении вымогательских операций Марино: малая толика перепадает и им.

Автор книги «Позор Нью-Йорка» рассказывает:

«У Томаса особое пристрастие к дорогим ювелирным изделиям. В галстуке у него огромная платиновая булавка с сорока восемью бриллиантами. Застежка на поясе тоже из платины с инициалами «Т. М.», выложенными из бриллиантов. При всем том Томас Марино — ревностный христианин, почетный член местного церковного прихода, и рука его не оскудевает в пожертвованиях на божий дом».

Штаб Томаса Марино удобно расположен в одном из цветочных магазинов Бруклина. Туда звонят всякого рода «любители», заказывая цветы и семена для клумб. Этот «цветочный» условный код охватывает многообразные операции «дона Тоддо» — и контрабанду наркотиков, и спекуляцию бриллиантами, и рэкет (вымогательство денег у фирм, связанных с нью-йоркским портом), и «профсоюзные дела», то есть выполнение заказов капиталистов на поставку штрейкбрехеров и головорезов.

Томас Марино не скрывает своих связей на «верхних этажах» политического мира. «Тоддо, — пишет Эд Рейд, — направо и налево похваляется в своем кругу, что у него есть друзья в любом правительственном учреждении. Однажды Томасу Марино предстояла неприятная перспектива — явиться на допрос в комиссию по уголовным делам «самого» сената. Он уклонился от явки с помощью взятки в две с половиной тысячи долларов. Ясно, что покровители Тоддо сидят где-то на очень высоких местах в федеральной полиции или министерстве юстиции...»

Если доки Нью-Йорка являются «владениями» Томаса Марино, то область, на которую распространяется безраздельная власть Томаса Лючизи — одного из членов триумвирата, возглавляющего «моб», — это швейная промышленность и магазины готового платья в районе Манхэттена. Здесь ежегодно покупают платье миллионы ньюйоркцев; но только немногие из них знают, что незаметный, крохотный ярлычок, имеющийся на каждом костюме или пальто, — это знак того, что рэкетиры Лючизи получили от владельца фабрики или магазина то, что им «полагается».

Если же кто-либо из фабрикантов или торговцев вздумает сопротивляться рэкету, то на непокорного немедленно обрушиваются одна за другим неожиданные бедствия: то рабочие начинают бастовать (у «Трехпалого Брауна» — такова кличка Томаса Лючизи — есть широкая платная агентура в профсоюзе швейников); то с машинами, развозящими готовое платье, случаются «неожиданные» аварии; то, наконец, на фабрике или в магазине появляются «бенни-бомбы» — издевательское гангстерское изобретение. Это завернутые в особую бумагу большие, туго скрученные ролики кинопленки; когда их подожжешь, вся готовая одежда пропитывается стойким отвратительным запахом. Теперь она уже непригодна для продажи...

* * *

Факты, которые приводит в своей книге Эд Рейд, освещают еще с одной стороны тот «американский образ жизни», который реакционные круги США настойчиво предлагают человечеству как пример для подражания. Недурной «образец»! «Избранники народа» — сенаторы, мэры, судьи — здороваются запросто с королями уголовного мира и не только позволяют им греться в лучах гангстерской славы, но и сами систематически греют руки на их преступных махинациях. Профессиональных правонарушителей принимают в «высшем обществе». Гангстеры отдают своих сыновей в Гарвардский и Иельский университеты, а то и в Вест-Пойнт, откуда выходят офицеры американской армии.

Все это невероятное переплетение уголовщины с «законностью», бандитизма с политикой вытекает из самой природы хищнического американского империализма. Оно вытекает из его волчьей этики. Оно неотделимо от прогнившей «демократии», прикрывающей тиранию кучки миллиардеров над миллионами честных, трудящихся американцев.

Небит-Даг — город нефтяников

В песках Туркмении, недалеко от того места, где английские интервенты расстреляли 26 бакинских комиссаров, советские разведчики недр открыли большие источники нефти. Пробудился к жизни обширный край. Страна прислала в Небит-Даг инженеров и бурильщиков, строителей и врачей, педагогов и геологов.

Два десятилетия назад на том месте, где сейчас высятся многоэтажные жилые дома, разбиты парки и скверы, стояли три полузанесенные песком железнодорожные будки. Все, что есть сегодня в городе, — чудесный клуб нефтяников с зрительным залом на пятьсот мест и летним кинотеатром, нефтяной техникум и школы-десятилетки, детские сады и ясли, белые высокие дома своеобразной архитектуры, стадион, вокзал — все это построено в последние годы.

Площадь Свободы, окруженная домами, расположилась там, где совсем недавно был пустырь. Десятки тысяч квадратных метров жилой площади ежегодно получают туркменские нефтяники.

Прямая, как стрела, широкая автострада и идущая параллельно ей железная дорога соединяют Небит-Даг с промыслами.

Т. ГЕОРГИЕВ

Фото В. Кошевого (ТАСС).

Писатели и книги

Светлый облик

Литературное наследие Павла Петровича Бажова сравнительно невелико, но на диво добротно слажены его сказы, обточена каждая фраза, пригнано каждое слово, и невозможно не поддаться обаянию творений этого уральского умельца.

Для тех, кто бьется над разгадкой писательских «секретов» Бажова, и для тех, кто сам решил посвятить себя литературе, драгоценной находкой явится высказывание автора «Малахитовой шкатулки» о Пушкине в одном из писем:

«Работая над историей Пугачевщины, он не только месяцами сидит в архиве, но едет на Урал. Это ведь не на самолете и даже не в вагоне, а на перекладных. Попробуйте представить, что кто-нибудь из наших современников проделал адэкватный труд! Да он бы написал несколько томов своих дорожных впечатлений, десятка два рассказов, два романа, четыре пьесы, пять сценариев, один малоформистский сборник, а у Пушкина все это вошло частично в «Капитанскую дочку», да в отдельные строки стихов. Вот и выходит густо. Читаем современников и говорим: «А у предшественников лучше». Да потому, что у предшественников больше предшествовало, чем у нас».

Читая сборник воспоминаний о Бажове, понимаешь, как много «предшествовало» написанному им самим.

Замечательна биография Бажова. Путь к знаниям, прокладываемый через все невзгоды трудной юности, годы учительства, за которые Павел Петрович передал тысячам юношей и девушек свою любовь к нашему языку и литературе, активное участие в установлении Советской власти, добровольное вступление в Красную Армию, тревожные будни подпольщика и партизана, партийная и газетная работа.

Всю свою жизнь он прислушивался к народной речи, к народным былям. Началось это еще в годы учительства.

«Ходил по деревням и заводам, записывал всякие побаски... Шесть больших тетрадей записал. Пропали во время гражданской...»

Редактор «Окопной правды», а затем заведующий отделом писем областной «Крестьянской газеты», он всегда потом с благодарностью вспоминал большую школу, которую прошел в те годы:

«Поток писем тогда измерялся тоннами, а диапазон их был огромен: от мелких житейских вопросов до международных проблем в деревенском понимании. Какие ситуации, сколько материала для самых неожиданных поворотов, а язык!.. Каким надо быть сухарем и чурбаном, чтобы не испытать на себе воздействия этой первозданной красоты».

Чрезвычайно поучительны воспоминания о том, как воспитывал Бажов молодых литераторов, никогда не подменяя благожелательности поблажкой, не делая скидок и не боясь сказать человеку, неспособному к литературному труду, суровую правду.

«Часто ведь бывает так,— говорил он,— к мастеру-гранильщику приходит молодой человек: «Учи, дескать, гранильному делу!» Ну, мастер выкладывает ему начистоту все, что знает, учит его, не считаясь со временем. Время-то проходит, а из ученика толку не получается, не чувствует он камня, не понимает его. У него, может, призвание к другому, из него, может, вышел бы первоклассный токарь, а ему захотелось в гранильщики. И что же? Себя обворовал, у старика-мастера время отнял напрасно».

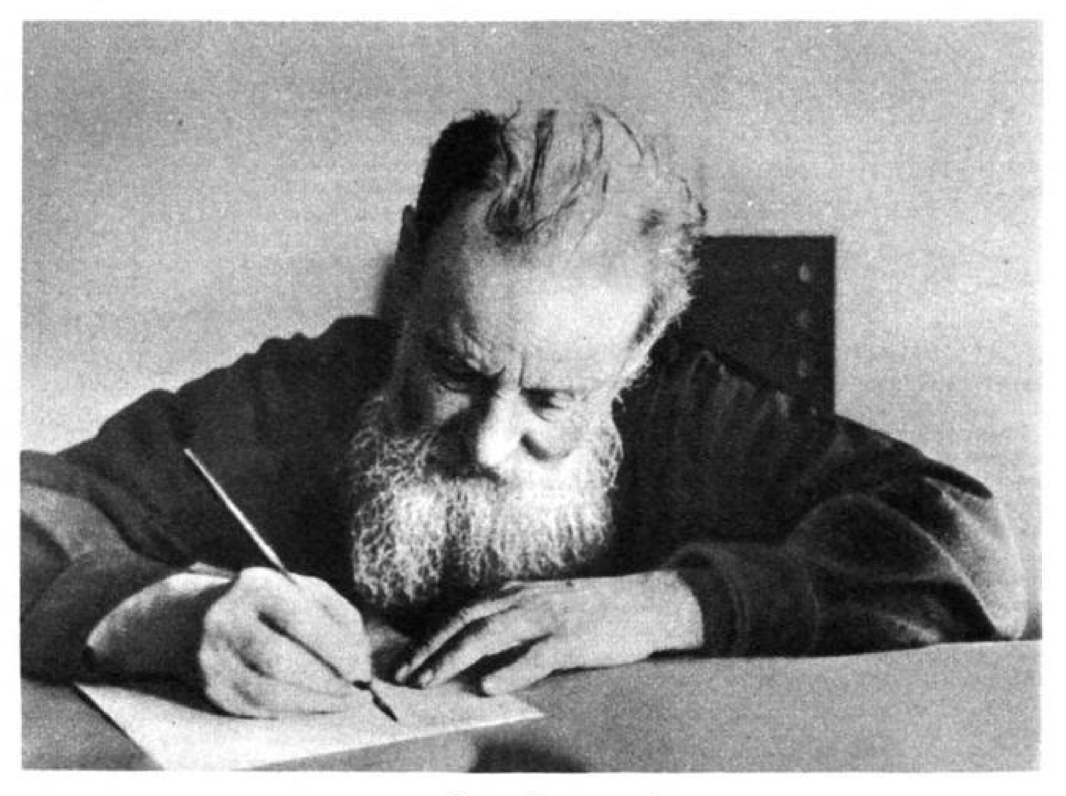
Многосторонний образ Бажова — человека, писателя, коммуниста, общественного деятеля — запечатлен на страницах воспоминаний, включенных в сборник.

Эту книгу закрываешь с чувством, которое можно выразить словами из одного бажовского сказа:

«С какой стороны ни поверни — все коммунист!»

А. ТУРКОВ

Павел Петрович Бажов в воспоминаниях. Составители — К. В. Боголюбов и С. Н. Самсонов. Свердловское книжное издательство. 1953. 248 стр.

Павел Петрович Бажов.

Фото А. Гаранина.

Расцвет индустрии

В канун первой мировой войны завод «Вольта» был в ряду крупных предприятий России. Но с 1919 года, когда хозяйством Эстонии распоряжались с помощью местной буржуазии англо-американские империалисты, начались годы упадка «Вольта». Закрывались цехи. Ржавели станки. На заводской территории появились склады селедок и красильня, мыловаренный завод, карамельная фабрика, даже... теннисный корт. За целый год завод выпускал всего 2—3 крупных и с десяток небольших моторов.

За последние годы завод стал огромным, великолепно оборудованным предприятием. В его цехах — автоматическая линия. Без вмешательства человека будущий вал электромотора проходит через 16 станков этой линии. За несколько секунд они выполняют чрезвычайно сложные операции, на которые раньше рабочие затрачивали часы. Контрольные аппараты автоматически следят за работой линии, за качеством деталей.

Большие перемены на заводе «Вольта» отражают рост всей Советской Эстонии, расцвет ее индустрии.

Н. ТОЛБАСТ

Фото С. Розенфельда.

Во имя научных исканий

Имя И. Ефремова хорошо известно не только его «коллегам» — палеонтологам, но и тем, кто увлекается научно-фантастической и приключенческой литературой.

Герои Ефремова — мужественные, вдумчивые, пытливые люди, умеющие преодолевать любые препятствия во имя научных исканий. С риском для жизни совершает восхождение на неприступную вершину геолог Усольцев, чтобы утвердиться в своей догадке о находящемся там крупнейшем месторождении руды («Белый Рог»). Смертельной опасности подвергается герой рассказа «Озеро Горных Духов» в поисках ртути.

Творческим исканиям посвящен и новый рассказ Ефремова, «Звездные корабли», открывающий одноименный сборник рассказов, выпущенный Детгизом, в который, кроме поименованных, входят: «Тень минувшего», «Обсерватория Нур-и-Дешт», «Голец Подлунный» и «Олгой-хорхой».

...Давыдов и Шатров — советские ученые — сделали удивительное открытие: давным-давно, много сотен миллионов лет тому назад, когда нашу планету населяли только гигантские ящеры, явились на Землю разумные существа из другой Галактики. После долгих и трудных поисков ученые обнаруживают, что это «неведомое существо было близким человеку, понятным и не чуждым».

Любопытно напомнить, что в известном романе Г. Уэллса «Борьба миров» жители Марса прибыли на Землю с целью завоевать ее и оказались для людей страшной и враждебной силой, уничтожившей миллионы человеческих жизней.

В повести Ефремова «Путешествие Бауржеда», выпущенной издательством «Молодая гвардия», рассказывается о том, как представляли себе жители древнего Египта окружающие страны, как расширялось их представление о мире.

Лучшие страницы посвящены рассказу Бауржеда о своем путешествии в океан. Автор сумел передать читателям мысли и ощущения человека, которому пришлось столкнуться с явлениями, прежде для него неведомыми.

Т. ТРОИЦКАЯ

У. Тансыкбаев. РОДНОЙ КРАЙ.

Телескопические очки

На фронте после тяжелого ранения Н. С. потерял левый глаз. В правом сохранился лишь небольшой процент нормального зрения.

Кто-то посоветовал Н. С. поехать в Москву, в Научно-исследовательский институт глазных болезней имени Гельмгольца. Вскоре Н. С. вернулся домой, в Марийскую АССР, с особыми телескопическими очками. Теперь он мог читать не только крупные заголовки, как раньше, но и напечатанное мелким шрифтом.

Телескопические очки состоят из комбинации стекол, определенным образом рассчитанной учеными-физиками. Расположены они по принципу Галилеевой трубы. Очки внешне напоминают театральный бинокль.

На трубки со стороны глаз иногда надевают особые насадки со стеклами, корректирующими близорукость и дальнозоркость. Такая телескопическая система увеличивает видимость в 1,8 раза, а с помощью добавочных насадок на передней части трубок и в 5 раз.

Телескопические очки применяются в тех случаях, когда острота зрения не ниже 0,07 нормального и обычные очки не помогают.

С помощью телескопических очков можно читать книги, газеты и журналы.

Подобрать телескопические очки не так просто. Это сложный комплекс исследований, длящийся несколько дней. Не менее сложно, конечно, и их производство.

Подбор телескопических очков производится пока в институтах глазных болезней Москвы, Ленинграда и Одессы. Ленинградский оптикомеханический завод приступил к изготовлению наборов пробных телескопических систем. Это позволит подбирать очки и в других городах Советского Союза.

Е. ОСИПОВ

«Лао-ча»

В колбе из тонкого стекла закипает чай. Его приятный аромат распространяется по комнате, в которой работают люди, посвятившие себя науке о чае. Это лаборатория Института биохимии имени А. Н. Баха Академии наук СССР. Руководитель лаборатории профессор М. А. Бокучава внимательно исследует состав и свойства различных сортов чая, присылаемых из разных концов страны. Перед нами десятки пробирок с чаинками. Цвет их неодинаков — от светло-зеленого до черного. Каждая пробирка имеет свою историю, свое прошлое и будущее.

Профессор М. А. Бокучава разглядывает на свет желтовато-зеленые чаинки. Это «лао-ча», из которого прессуют так называемый зеленый кирпичный чай. «Лао-ча» — по-русски означает старый чай. Его начали изготовлять на родине чая — в Китае — еще в XII веке до нашей эры. В XVII веке русские послы в Китае получили в подарок московскому царю несколько сортов чая, среди которых был «лао-ча». Прошло немного времени, и китайский чай стал пользоваться большим успехом у русских людей. Однако собственного производства чая в России долго не существовало. Впервые чайное растение появилось у нас в 1833 году в Никитском, а затем в Сухумском ботаническом саду и на Озургетской акклиматизационной станции. Все же промышленного развития культура чая в старой России не получила. В годы Советской власти была создана мощная чайная промышленность. В настоящее время, стремясь удовлетворить потребности населения в самых разнообразных сортах чая, промышленность начала выпускать, помимо всем известного черного, зеленый — «кок-чай» и «лао-ча».

Как показали новейшие исследования советских ученых, «лао-ча» более богат различными витаминами, чем черный чай. Между тем до последнего времени способ изготовления «лао-ча» оставался таким же старым, как сам этот чай.

Перед наукой встала задача — изучить природу производства «лао-ча» и определить факторы, ускоряющие это производство. Обычно считалось, что при изготовлении «лао-ча» главная роль принадлежит микробам. Многочисленные исследования показали, что это широко распространенное мнение не соответствует действительности. Оказалось, что так называемое «брожение» — чисто химический процесс и для его развития нужны не микроорганизмы, а определенные температура и влажность. Опыты показали, что даже в стерильных условиях можно получить «лао-ча» нужного вкуса, цвета и аромата.

Группа сотрудников Института биохимии имени А. Н. Баха Академии наук СССР в содружестве с работниками чайной промышленности разработала новый, ускоренный способ производства «лао-ча». Он позволяет, минуя процесс брожения, за 6—12 часов (вместо 20 суток) получить готовый продукт хорошего качества.

На чаквинской фабрике в Грузии в сезон 1953 года были проведены производственные опыты по выработке «лао-ча» новым способом.

Анализы показали преимущества нового, ускоренного способа производства чая. Решением Министерства промышленности продовольственных товаров СССР этот способ широко внедряется на чайных фабриках нашей страны. Он позволит полностью механизировать производственные процессы, сократить технологический цикл и в десятки раз увеличить выпуск «лао-ча».

Л. МАРКЕЛОВА

Ветчина в консервных банках

На полках гастрономических магазинов вы увидите десятки самых разнообразных консервов — мясных и рыбных, фруктовых и овощных, в соусе и маринаде,— но тщетно вы станете разыскивать среди них коробочку с консервированной колбасой.

А между тем такие консервы

очень нужны. Речь идет, конечно, не о копченостях — они уже сами по себе являются консервами,— а о таких распространенных и ходких сортах, как чайная, любительская, отдельная колбаса и другие. Ветчина, например, в жаркий день уже через час изменяет свой цвет, а на следующий день и вовсе портится. А как было бы удобно, если, отправляясь на дачу, на охоту, в дальнюю поездку, можно было бы захватить с собой две — три коробки с ветчиной или колбасой...

Изготовление колбасных консервов сопряжено с известными трудностями. Обычные способы консервирования мясных изделий для колбас малопригодны: вместо ветчины получается в банке какая-то сухая масса, неаппетитная на вид и невкусная; вместо сочной колбасы — полужидкая гуща.

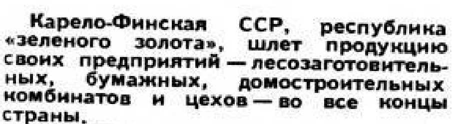
В поисках лучшей технологии было испробовано много разных методов консервирования.

Перед Всесоюзным научно-исследовательским институтом мясной промышленности была поставлена сложная задача — дать советскому потребителю такие виды колбасных консервов, которые полностью обладали бы всеми питательными и вкусовыми свойствами свежих колбас и могли сохраняться долго.

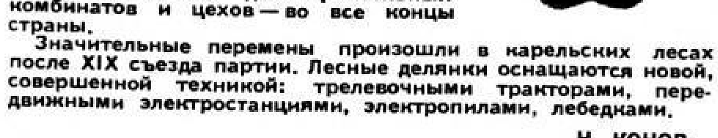
В результате длительных опытов создана новая технология консервирования колбасных изделий. И вот перед нами образцы: маленькие круглые жестяные коробочки. На этикетках лаконичный текст: «Ветчина. Высший сорт. Вес нетто 250 гр.». Эти коробки пролежали (учтите, не в холодильнике, а при комнатной температуре) 7—8 месяцев! Сотрудник института вскрыл одну из них, и из коробки выглянул аппетитный кружок розовой ветчины, свежей и сочной. Ничем — ни видом, ни вкусом — она не отличается от той, что отвешивает продавец за прилавком магазина.

Новые виды консервов — ветчины и колбасы разных сортов, со шпигом — успешно освоены в производстве Московским, Таллинским, Рижским и другими мясокомбинатами.

А. ПРИСС

На лесных делянках

Карело-Финская ССР, республика «зеленого золота», шлет продукцию своих предприятий — лесозаготовительных, бумажных, домостроительных комбинатов и цехов — во все концы страны.

Значительные перемены произошли в карельских лесах после XIX съезда партии. Лесные делянки оснащаются новой, совершенной техникой: трелевочными тракторами, передвижными электростанциями, электропилами, лебедками.

Н. КОНОВ

Фото П. Беззубенко.

УКРАИНА

Вокальный квартет Одесского Дома офицеров — Г. Аджимамудова, В. Кульгина, А. Гагина, В. Лукина — исполняет «Веселый запев».

ПОЕТ

Украину нельзя представить без ее песен, задушевных, чарующих и неповторимых. Они звенят над Днепром, над раздольем степей от Азовского моря до Тиссы и Дуная. Более полумиллиона певцов и музыкантов участвует ныне в хоровых, музыкальных кружках и ансамблях рабочей, сельской, студенческой художественной самодеятельности. На традиционных праздниках песни иной раз выступают сводные хоры в двадцать — двадцать пять тысяч человек. Есть в республике семьдесят оперных самодеятельных коллективов, таких, как коллектив Дворца культуры Днепропетровского завода имени Петровского, машиностроительного завода имени Сталина в Краматорске и другие, которым под силу ставить оперы.

«Гей, на высокой полонине...» — народную песню Закарпатья исполняет молодой рабочий Ужгородской типографии Ю. Яцко.

Как рождается песня? На краю поля растет кудрявая груша. А на поле работают девчата звена Елены Вдовиченко. Здесь раскинулась их свекловичная плантация.

Румынский народный танец. Исполняет танцевальный коллектив Крюковского вагоностроительного завода Полтавской области.

Елена Павловна Вдовиченко лет пятнадцать руководит хором своего звена. Хорошо поют ее девчата:

Ой, є в полі грушечка,
Грушечка кудрява...
А з під тої грушечки
Сонечко всміхається.
На колгоспній нивонці
Пісня розливається...

И пошла гулять по селу новая песня о счастливом колхозном труде, о радости жизни. Комсомолец Владимир Провозин поработал над текстом, музыку написала Елена Вдовиченко.

Хор звена колхоза имени Ильича, Волковинецкого района, Хмельницкой области, выступал на всеукраинском смотре самодеятельности. На сцене выстроились девчата в украинских костюмах, все звено. Звеньевая Елена Вдовиченко вышла вперед, взмахнула рукой. И над притихшим залом поплыла красивая песня.

Хор звена — распространенное явление в жизни современного украинского села. В хорах звеньев, в бригадных хорах рождаются новые песни, музыку для которых пишут самодеятельные композиторы. Давно известен на Украине хор льноводов села Лугинки, Житомирской области, которым руководит Мария Самчук. Она и ее подруги создали песни: «Привет Москве», «Славной партии большевиков», «Ой, поля, поля колхозные». Коллективно созданы «Отчизна» и «Песня о звеньевой Шиманской».

На сцене колхозные кузнецы — семья Золотаренко из села Вишенки, Бориспольского района, что на Киевщине. Целый ансамбль! Хлопцы дюжие, как на подбор, в плечах — косая сажень. Вот запели в их руках скрипки, цимбалы, гитара с баяном, заходил, рассыпался, звеня, бубен! Девять виртуозов-музыкантов отлично исполняют польку и украинские народные танцы. Кого хочешь танцевать заставят!

Таков же ансамбль бандуристов Карпа Даниловича Кота из села Ружичная, Хмельницкой области. Карп Данилович сам пишет музыку к песням. Он создал «Колхозную посевную» и «Песню кузьминских свекловодов». В ансамбле старого бандуриста шесть членов его семьи.

Известен вокальный квартет сестер Галины, Анны, Лидии и Екатерины Яременко из села Щербаки, Киевской области, дуэт кларнетистов Николая Васильевича Лугового и его сынишки Михаила из колхоза имени Богдана Хмельницкого, Тернопольской области.

Дуэт на кларнетах. Исполнители — Михаил Луговой и его отец Н. В. Луговой. Артель имени Богдана Хмельницкого, Бучачского района, Тернопольской области.

Но самые распространенные на Украине — народные многоголосные хоры. Их десятки тысяч. Они исполняют произведения Чайковского, Танеева, Леонтовича, Шапорина, Лятошинского, Штогаренко без музыкального сопровождения.

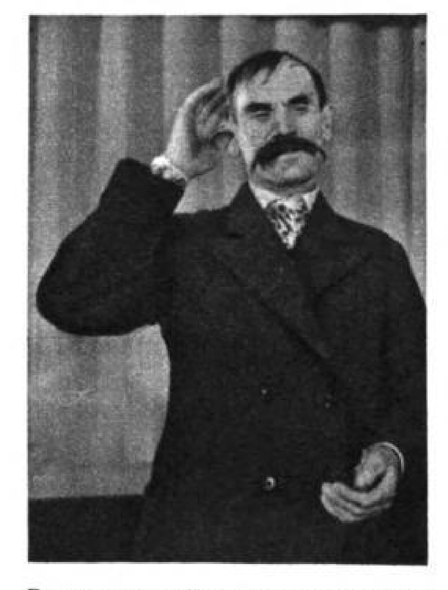
Польский танец «Оберек». Исполняет танцевальный коллектив Дома культуры железнодорожников в Киеве.

Танец «Кукуруза». Исполнители — танцевальный коллектив колхоза «Червона зирка», Мельнице-Подольского района, Тернопольской области.

Самодеятельная капелла киевского завода «Большевик», которой руководит Александр Петровский, существует тридцать лет

Выступает колхозник артели имени Калинина, Чудновского района, Житомирской области, П. Канавский — мастер художественного чтения.

В ней 110 хористов, среди них кадровые производственники завода: мастера Н. Щербаченко, М. Захаревич, литейщик А. Клементьев, лаборантка А. Котик. В репертуаре капеллы свыше 200 произведений русских и украинских классиков, советских композиторов и композиторов стран народной демократии.

Сопилка — весьма примитивный музыкальный инструмент. Она звучит чуть сипло, хрипловато. Но ансамбль сопилкарей Мельнице-Подольского районного Дома культуры Тернопольской области мастерски исполняет на сопилках «Меж крутых бережков», «Ходит ветер у ворот» М. Глинки и украинскую народную песню «Ой, дівчино, шумить гай».

Много яркого, самобытного, талантливого показал недавний всеукраинский смотр художественной самодеятельности. Порадовали слушателей и певцы-солисты. Некоторым из них прямой путь в консерваторию. В добрый час! Этим же путем шли многие молодые певцы Киевского академического государственного театра имени Т. Г. Шевченко. Так начинала и народная артистка СССР Елизавета Чавдарь, так пришли на сцену сельская певица Леся Жила, певец Дмитрий Гнатюк и другие, чьи молодые, свежие голоса теперь звучат на сцене республиканского театра.

В. ШУМОВ

Фото Н. Козловского.

Инструментальный квартет — семья колхозника А. П. Буздни. Колхоз имени Крупской, Рожищенского района, Волынской области.

Запевает частушку Мария Шоцкая. Хор звена колхоза имени Ленина, Любомльского района, Волынской области.

ПРО СЕРЕЖУ И ПЕТЮ

С. МАРШАК

Рисунки О. Верейского.

Друг на друга так похожи
Комаровы-братья.
Где тут Петя, где Сережа,
Не могу сказать я.

Только бабушка и мать
Их умеют различать.

Не могу я вам сказать,
Кто из них моложе.
Пете скоро будет пять,
И Сереже
Тоже.

Петя бросил снежный ком
И попал в окошко.
Говорят, в стекло снежком
Угодил Сережка.

Кто вчера разбил мячом
Чашку на буфете!
Петя был тут не при чем,
А попало Пете.

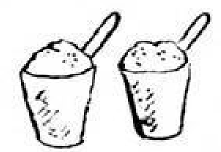

Доктор смешивает их,
Так они похожи!
Пьет касторку за двоих
Иногда Сережа.

В праздник папа всю семью
Угощал мороженым.
Петя долю съел свою,
А потом — сережину.

Поступили в детский сад
Петя и Сережа.
Пете новенький халат
Выдали в прихожей.

А Сереже говорят:
— Жадничаешь больно.
Получил один халат,
И с тебя довольно!

Няня Петю без конца
Мягкой губкой мыла,
Чтобы смыть с его лица
Синие чернила.
Смыла губкой полосу
На щеке и на носу.

Только кончила купать,
Весь в чернилах он опять!

Няня мальчика бранит:
— Петя! Это что же!!
А Сережа говорит:
— Няня, я Сережа!

К парикмахеру идут
Петя и Сережа.
Петю за руку ведут,
И Сережу тоже.

Парикмахер через миг
Петю на́голо остриг.
Голова его теперь
На арбуз похожа.
Только вышел он за дверь,
В дверь вошел Сережа.

Парикмахер говорит:
— Ты ж недавно был обрит!
Я еще твоих волос
Не стряхнул с халата,
А уж ты опять оброс.
Вон какой лохматый!

Видно, волосы растут
У тебя за пять минут!

Парикмахерских для вас
Хватит ли на свете,
Если в час по десять раз
Стричься будут дети!

Вот однажды к ним на двор
Перелез через забор
Озорной мальчишка —
Перепелкин Гришка.

Гришка — парень лет восьми,
Этакий верзила,
А пред младшими детьми
Хвастается силой.

Говорит он: — Эй, мальки,
Побежим вперегонки!

Объявляю летний кросс —
От крыльца к сараю.
Три щелчка получит в нос
Тот, кто проиграет!

Любит Гришка обижать
Тех, кто помоложе.
Но согласен с ним бежать
Комаров Сережа.

А уж Петя Комаров
У ворот сарая
Притаился между дров,
Гришку поджидая.

Раз, два, три, четыре, пять!
Гришка бросился бежать.

Добежал он, чуть дыша,
Обливаясь пóтом,
И увидел малыша,
Подбежав к воротам.

Был он очень удивлен,
Даже скорчил рожу,
Оттого, что принял он
Петю за Сережу.

— Слишком тихо ты бежишь!—
Говорит ему малыш.—
Сядь-ка, длинноногий,
Отдохни с дороги!

— Не хочу я отдыхать!
Побежим с тобой опять!
В десять раз быстрее
Бегать я умею!

— Ладно! — Петя говорит. —
Добежим до дома.
Кто кого опередит,
Даст щелчка другому!

Раз, два, три, четыре, пять!
Гришка кинулся бежать.

Все быстрей и все быстрей
Мчится он вприпрыжку,
А Сережа у дверей
Поджидает Гришку.
— Ну-ка, Гришка, где твой нос!
Проиграл ты этот кросс!

Говорят, что с этих пор
Не ходил ни разу
К братьям маленьким во двор
Гришка долговязый.

Детский фильм в Китае

Заснул Горе-Охотник. Из-за кустов вышли Зайка-Зазнайка (Ше Мэ-мин) и Зайчиха (Сю Сяо-хань). Зайка-Зазнайка... взял ружье, да и был таков!

Во время съемки. Главный режиссер фильма Сун Вей-ше, оператор и помощники режиссера.

Три зайчонка (Лин Ян-ян, Ше Шань-пин, Чень Ше-вен) играют в лесу около грибов.

Притаилась лиса (Ван Ян-си), ждет, когда Зайка-Зазнайка выскочит на поляну.

Пекинская киностудия недавно закончила съемку детского фильма «Зайка-Зазнайка» по пьесе С. В. Михалкова. Исполнители ролей — дети и молодежь, учащиеся школы сценического мастерства при «Театре молодежи».

Талантливый режиссер этого фильма Сун Вей-ше театральное образование получила в Советском Союзе. Теперь она главный режиссер «Театра молодежи», где идут поставленные ею спектакли «Ревизор», «Как закалялась сталь» и другие. «Зайка-Зазнайка» — первая работа в кино Сун Вей-ше. В этой работе проявилась выдумка и фантазия молодого режиссера, создавшего бесхитростный и занимательный фильм-сказку.

Фото Евы СЯО.

Лиса (Ван Ян-си) и Волк (Чжан Вэн-юань) крадутся к лисьему домику, в котором поселился Зайка-Зазнайка.

Зайчонок прибежал к Горе-Охотнику и просит помочь Зайке-Зазнайке, который не умеет стрелять из ружья.

Затрещали у кого-то под ногами сучья в лесу, раздвинулись кусты, и вышел на полянку Горе-Охотник (Шао Чун-фэй). Песенку поет:

Хожу я по болотам,
Брожу по лесу я...
Охота, охота,
Охота — страсть моя!

Танец зайцев.

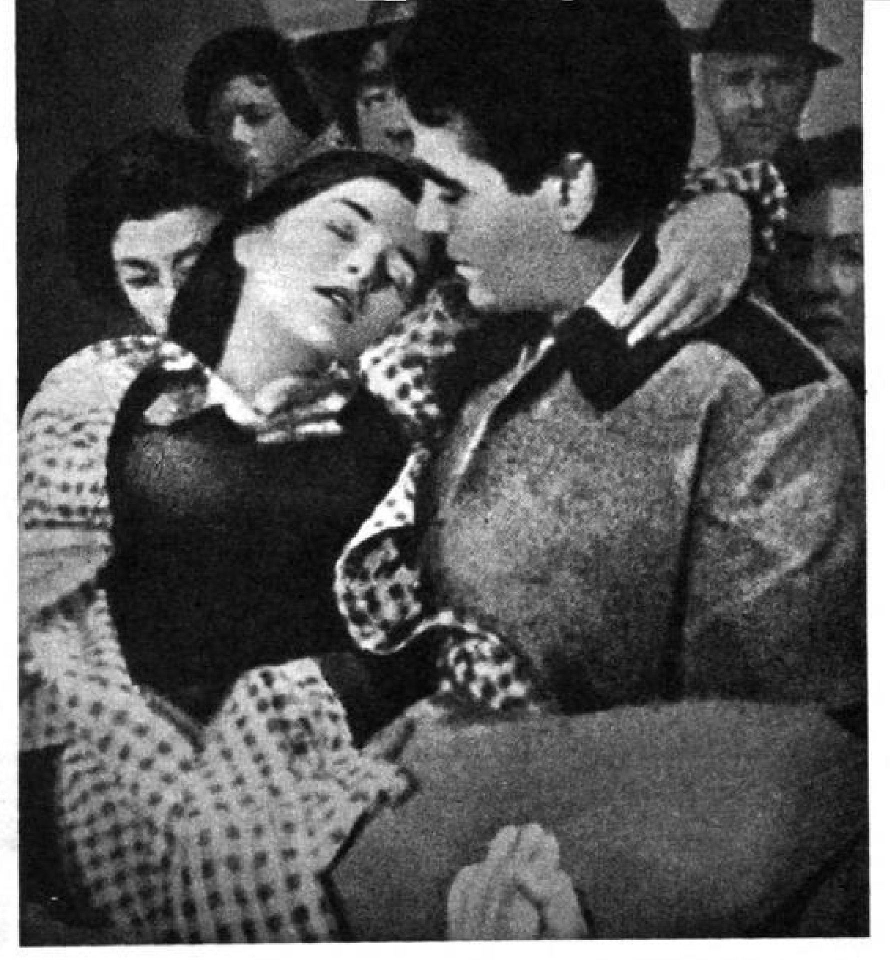
„РИМ, 11 ЧАСОВ"

Джиованни **ДЖЕРМАНЕТТО**

16 марта в Москве, Ленинграде и многих других городах Советского Союза начинается десятидневный фестиваль итальянских фильмов, который широко познакомит советского зрителя с киноискусством Италии и послужит укреплению культурных связей между народами Советского Союза и Италии.

Во время фестиваля на советских киноэкранах будут демонстрироваться несколько уже известных советскому зрителю итальянских фильмов: «Мечты на дорогах», «Вернись в Сорренто», «Неаполь — город миллионеров», «Нет мира под оливами», «Похитители велосипедов» и другие — и два новых фильма: «Два гроша надежды», поставленный режиссером Р. Кастеллани по сценарию Р. Кастеллани и Т. Филиппо, и «Рим, 11 часов», поставленный режиссером Д. де Сантис по сценарию Ч. Дзаваттини, Б. Франкина, Д. де Сантис, Р. Сонего, Д. Пуччини.

Об одном из этих фильмов мы печатаем сегодня статью итальянского писателя Джиованни Джерманетто.

Из разрушенного дома выносят пострадавших.

Среди множества объявлений о предложении труда, продаже мебели, домашней утвари, одежды на четвертой странице одной из римских газет появилось в 1952 году следующее извещение: **«Синьор X., проживающий на улице Савойя, ищет машинистку. Являться завтра с 10 до 13 часов».**

Улица Савойя расположена в одном из самых спокойных кварталов Рима, недалеко от проспекта королевы Маргариты. В тот злополучный день швейцар дома, в котором проживает синьор X., отпирая, как обычно, в 7 часов утра парадную дверь, очутился перед толпой женщин различного возраста, бесцеремонно врывавшихся в подъезд.

Протесты швейцара ни к чему не привели, женщины взапуски бросились вверх по лестнице, к двери квартиры синьора X., каждая надеясь попасть туда первой. Очередь растянулась по всей лестнице и дальше — по тротуару. Говорили потом, что собралось больше 150 претенденток на должность машинистки.

Адриена — Елена Варци.

Были среди них пожилые женщины, старавшиеся под слоем пудры и краски скрыть свой возраст, были и девочки, только что окончившие школу машинописи. Очередь шумела. Одна из ожидающих рассказывала, что работала у крупного адвоката, другая — в «одном из лучших торговых домов», третья — в министерстве. И каждая надеялась сегодня получить работу. Женщины вынимали из сумочек зеркальце, пудру, губную помаду,— может быть, некоторым синьор X. казался чем-то вроде сказочного принца.

Неподалеку от дома стояла группа мужей, женихов, отцов. Но ни одна из ожидающих не двигалась с места, чтобы перемолвиться словом со своими близкими: все боялись хоть на секунду упустить занятое место.

Медленно протекли три долгих часа, показавшиеся вечностью. Наконец дверь отворилась, и в ней показался коренастый человек. Чуть было не опрокинутый женщинами, он едва удержался, прислонившись к двери.

Начался прием.

— Синьор требует знания французского языка, — говорила с огорчением первая, выходя обратно на площадку.

— Я знаю французский!

Женщина лет под сорок, энергично проталкиваясь, входит в дверь и тотчас же возвращается обратно:

— Ему нужен и немецкий! — Она уходит, бранясь.

Третья тоже выскакивает из двери возмущенная:

— И музыка нужна!

Но тут раздался грохот, дикие крики десятков людей: в облаке пыли лестница проваливается, увлекая всех несчастных, которые пришли искать куска хлеба.

Мужья, женихи, родители, может быть, такие же безработные, бросаются, чтобы спасти пострадавших, пока еще не прибыли машины «Скорой помощи». Из развалин выносят двенадцать трупов, десятки и десятки тяжело раненных.

Этот подлинный случай, описанный в газетах, послужил режиссеру де Сантис сюжетом для фильма «Рим, 11 часов».

В создании картины участвовали лучшие силы прогрессивной итальянской кинематографии: М. Джиротти, К. Поджио, Л. Бозе, М. Франчиа, Л. Падовани, И. Гальтер, Е. Варци и другие.

«Рим — открытый город», «Шуша», «Нет мира под оливами», «Похитители велосипедов» и другие фильмы итальянских прогрессивных режиссеров пользуются заслуженной славой. «Рим, 11 часов» — в их числе, несомненно, один из лучших.

Нельзя забывать, что развитию современной прогрессивной итальянской кинематографии препятствуют три силы: нажим дельцов Голливуда, жестокая цензура Ватикана и, наконец, коммерческие интересы итальянских кинофирм.

Итальянские кинопромышленники знают, что прогрессивные режиссеры Италии являются и самыми талантливыми. Своим реалистическим искусством они все больше завоевывают популярность. Но владельцы фирм не рискуют вкладывать капиталы в производство их фильмов, пусть даже несомненно высокохудожественных, но встречающих препятствия со стороны цензуры.

И хотя итальянцев попросту тошнит от фильмов с гангстерами,— такие картины удерживаются на экране лишь на короткое время, — цензура бесцеремонно расправляется с фильмами прогрессивных итальянских режиссеров, заставляя удалять целые сцены или менять сценарий.

Понятно, что фильм «Рим, 11 часов», как и другие произведения передовых кинодеятелей, подвергся согласованным нападкам реакции. Несмотря на все трудности, режиссеру де Сантис удалось создать фильм, полный глубокого драматизма. Исполнители и женских и мужских ролей сумели проявить высокое техническое мастерство, наделив своих героев живыми, человеческими чертами. Печальная история безработных женщин, рассказанная в фильме, показывает предельно просто трагедию полунищих людей, живущих без надежд, без будущего. Сотни новых разочарований и несправедливостей, жизнь, полная невероятных лишений, — вот что ожидает каждую из уцелевших в катастрофе героинь картины.

Очень многие итальянцы живут так, как показано в этом фильме, являющемся страшным обличительным актом против капиталистического общества, которое обрекает трудящихся на невыносимые условия существования. Ежедневно в итальянских газетах появляются сообщения о самоубийствах, вызванных безысходной нуждой: пенсионер из Рима, бросившийся с площадки в пролет лестницы; безработный из Неаполя, покончивший с собой, отчаявшись найти работу... Трагедия, происшедшая на улице Савойя, потрясает даже на фоне этих ежедневных происшествий.

И Джузеппе де Сантис сумел рассказать об этой драме с присущей ему силой и правдивостью большого художника.

Жена безработного — Карла дель Поджио.

ПРОГОЛОСОВАЛИ

Живет над нами депутат
Повыше этажом,
С его портретом мы плакат
На память бережем.

Все хорошо, но вот беда,—
Как тут не горевать:
Еще не подошли года
Идти голосовать.

Моей сестренке ровно пять,
А мне побольше — семь.
Но все равно голосовать
Хотелось бы, как всем.

Мы взяли новенький конверт
И белый лист нашли,
И к депутату мы наверх,
Сестра и я, пошли.

И голоса свои ему
Отдали самому.

Алла КИРИЛЛОВА

Рисунки Елены Афанасьевой.

Сверхточные часы

Среди корпусов московского студенческого городка в Соколе высится здание Научно-исследовательского института часовой промышленности.

Г. Н. Калганов, главный инженер этого научного учреждения, знакомит нас с его последними работами.

В лаборатории электрических приборов времени он показывает первый промышленный образец кварцевых часов, сконструированных коллективом лаборатории под руководством инженера П. С. Попова.

— Это, собственно, не часы,— говорит Г. Н. Калганов,— хотя они имеют циферблат. Правильнее их называть прибором, хранящим точное время.

Самое точное время астрономы устанавливают по звездам, его затем фиксируют, хранят, кварцевые часы. Когда по атмосферным условиям наблюдение за звездами невозможно, часы дают сигналы сохраненного ими точного времени. Точность же такова, что отклонения в ту или другую сторону исчисляются в пределах одной тысячной доли секунды за сутки. Такое время по циферблату обычных часов — с минутной и секундной стрелками — невозможно определить. Кварцевые часы показания времени дают в виде электрических сигналов, регистрируемых специальными приборами.

...С каждым годом растет число «потребителей» высокоточного времени. Оно необходимо астрономам при наблюдении движения небесных светил; в нем нуждаются штурманы морских и воздушных кораблей для правильной ориентировки в пути, геодезисты и топографы — при производстве съемок земной поверхности...

Наши астрономические обсерватории пользуются теперь специальными маятниковыми часами, отличающимися высокой точностью, однако для современной науки она уже недостаточна. Нужна сверхвысокая точность.

Кварцевые часы — весьма сложный прибор, созданный на основе последних достижений электроники. Маятника нет, его заменяет кварцевый брусок, являющийся регулятором постоянства и равномерности хода часов. Кварц взят не случайно. Этот кристалл обладает замечательным свойством: на его колебаниях совершенно не отражаются изменения силы земного притяжения, сейсмические явления, вибрации. Он чувствителен лишь к влиянию атмосферного давления и температуры. Для предохранения от них брусок помещается в герметически закрытом сосуде в специальный термостат, где постоянно поддерживается нужная температура с точностью до одной сотой градуса. Искусственно поддерживается на постоянном уровне и напряжение городского электрического тока, питающего часы.

У кварцевых часов за работой инженер Л. Цалкина.

До сего времени лишь некоторые научные учреждения располагали кварцевыми часами. Они изготовляли их своими силами. Создание промышленного образца таких сверхточных часов — большая победа советских приборостроителей. Сейчас организуется серийное производство. Первые кварцевые часы заводского изготовления предназначаются для астрономической обсерватории Московского государственного университета на Ленинских горах.

Г. МАРКОВ

В таежном океане

ЧУДЕСНЫЙ ШАРФ-МОЙТРУК

В полярную ночь я ехал колымской тайгой на собаках с каюром-охотником Андреем Слепцовым, потомком казаков-землепроходцев. Морозы доходили до пятидесяти градусов. Холодом обжигало горло, словно спиртом. Собаки тянули дружно. Сидя на узких нартах и делая временами короткие пробежки, я дышал сквозь шерстяной шарф, который быстро обледеневал и затруднял дыхание. Каюр, окликая собак, бежал за нартами с удивительной легкостью. Этому немало способствовал меховой шарф, сберегавший тепло и помогавший ровному дыханию на любом морозе. Шарф был трижды обернут вокруг бронзовой шеи каюра и свисал на грудь, словно ожерелье. Это был мойтрук, сшитый своеобразно из беличьих пушистых хвостов. В нем было около двух метров длины.

Когда мойтрук обледеневал, каюр чуть поворачивал его необмерзшей частью вокруг шеи к носу, повторяя затем этот прием многократно. На дневках каюр быстро высушивал мойтрук у костра и мог продолжать путь, не опасаясь снова ни ветра, ни мороза.

На одной из дневок охотник рассказал мне, как он «белковал» и сколько сдал первосортной пушнины на заготовительный пункт. От него узнал я, что таежные белки собираются иногда в огромные стаи. Позднее мне самому довелось стать свидетелем этого интересного зрелища.

БЕЛИЧЬЯ СТАЯ

Было это на берегу великой сибирской реки-красавицы Лены, близ Витима. Летчики заправляли горючим самолет, на котором мы летели из бухты Тикси к Иркутску. Один из бортмехаников вдруг крикнул:

— На воду, на воду смотрите!..

Километровая ширь Лены была вся унизана какими-то тычками. Мы стали наблюдать за ними и заметили, что тычки медленно движутся по направлению к нашему берегу.

Вооружившись биноклями, мы разглядели наконец, что то были живые существа. Через могучую ширь Лены, подняв, как паруса, свои пушистые хвосты, плыли белки. Зверьков было так много, что они переплывали широкую Лену в течение нескольких часов, занимая собой все видимое зеркало реки. Белки держались друг возле друга на очень близком расстоянии. Достаточно было зверьку опустить хвост и подмочить его, как наступал конец. Наутро много утонувших белок прибивало к берегу поднявшейся волной. Однако огромное количество их благополучно вышло на наш берег. Они отдохнули здесь, обсушились и продолжали свой отважный путь в левобережную тайгу.

Что заставляло белок предпринимать такое рискованное переселение? Наверное, их гнали бескормица, неурожай орехов или таежные пожары — палы.

При виде этого редкостного явления я вспомнил о таежном каюре-охотнике Андрее Слепцове и рассказал полярным летчикам о чудесном шарфе-мойтруке, сшитом из множества беличьих хвостов.

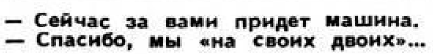
Макс ЗИНГЕР

Рисунки В. Тихановича.

В ДЕНЬ ВЫБОРОВ

— Сейчас за вами придет машина.
— Спасибо, мы «на своих двоих»...

Рисунки Ю. Черепанова.

ХЭЙБАНЬБАО

Большую черную доску, прибитую к стене дома, окружила толпа. Здесь и молодежь, и старики, и дети — учащиеся начальной школы. Слышатся голоса одобрения, идут жаркие споры, звенит веселый смех.

Почему черная школьная доска привлекает внимание всех, кто мимо нее проходит? Это своеобразная стенная газета, получившая в Китае очень широкое распространение. Называется она хэйбаньбао. В городах Дома культуры «выпускают» по сто — сто пятьдесят экземпляров таких газет. Их развешивают на улицах: на стенах домов, на заборах. Не меньшее распространение хэйбаньбао получили и в сельских местностях.

Ответственные за газету лица периодически обновляют материал: стирают старый текст и вписывают мелом новый.

О чем пишут в хэйбаньбао?

Газеты простым, доходчивым языком разъясняют постановления правительства и решения Коммунистической партии, сообщают о наиболее важном в жизни своей страны, о событиях международной жизни.

Хэйбаньбао разъясняют новый закон о браке, рассказывают об успехах групп трудовой взаимопомощи и производственных кооперативов, о достижениях в области промышленности.

Большое значение хэйбаньбао приобрели в период выборов.

Карикатуры, сатирические песенки, помещаемые в газетах, направлены против лодырей, рвачей, проходимцев.

Один из наиболее известных мастеров сатирически заостренного стиха — поэт Ван Си-цзянь. Он много сделал для развития хэйбаньбао. Его стихи просты, понятны даже малограмотным. Написаны они в духе народных песен, легко запоминаются. Мы приводим два стихотворения Ван Си-цзяня из его сатирического цикла.

ПОТ

Пот не будет литься,
Хлеб не уродится.
Если пот прольешь,
Будет хлеб хорош!..

. . . .

На гору из ваты очень похож
Болтун, пустомеля, разиня.
Взвесь эту ватную гору! И что ж —
В ней лишь несколько цзиней *...

ЕСЛИ ТЫ ВЫРАСТИЛ ЛОДЫРЯ

Если ты вырастил за год свинью,
Значит, свининой накормишь семью.
Если ты вырастил нежных цыплят,
Значит, курятиной будешь богат.
Если ты вырастил злого щенка,
Значит, для дома не нужно замка.
Если же лодырь тобою взращен,
Мало хорошего сделает он.
Только проснется — скорей за еду.
Что-то я совести в нем не найду.
Где-то болтается день-деньской.
Пользы от лодыря нет никакой!

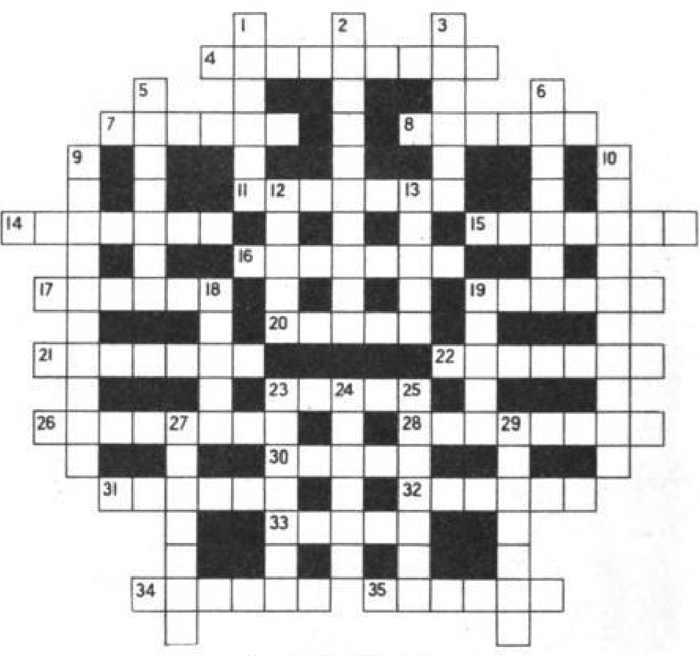
Л. ЧЕРКАССКИЙ

* Цзинь — около 600 граммов

Рисунок из книги «Стихи и песни хэйбаньбао». Издательство «Новый Китай».

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Избирательный листок. 7. Возобновляющиеся периодически заседания. 8. Мера земельной площади. 11. Дальневосточная промысловая рыба. 14. Передовой работник. 15. Член правительства. 16. Средний уровень воды в водоеме. 17. Архитектурно оформленный главный вход здания. 19. Подразделение организации, учреждения. 20. Руководитель. 21. Шахтерский город на Урале. 22. Областной город в Таджикистане. 23. Коллегиальный орган. 26. Спор. 28. Союзная республика. 30. Надстройка на палубе судна. 31. Белорусская народная песня-пляска. 32. Основное население одной из АССР. 33. Группа народов, родственных по языку. 34. Синий цвет. 35. Название некоторых государственных учреждений.

По вертикали:

1. Звено крепления тоннелей, шахт. 2. Форма государственного устройства. 3. Опросный лист. 5. Выборный представитель. 6. Столица автономной республики. 9. Последовательная смена культур в полеводстве. 10. Навыки поведения, проявляющиеся в общественной жизни. 12. Подразделение государственной территории. 13. Линейка с делениями в измерительных приборах. 18. Железнодорожная станция и пристань на Дону. 19. Общественная проверка. 23. Город на Волге. 24. Порт на берегу Финского залива. 25. Специальность работницы. 27. Минерал. 29. Наградной документ.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

3. Вожатая. 6. Атлас. 8. Пьеса. 10. «Осень». 12. Родник. 13. Пяльцы. 14. Рыбак. 16. Росток. 17. Яровая. 19. Буква. 21. Гагра. 22. Неман. 24. Роща. 25. Азов. 26. Пелагея. 27. Ананас. 29. Доярка. 30. Тмин. 31. Рига. 32. «Раймонда». 33. Автограф.

По вертикали:

1. Роза. 2. «Мать». 4. Машинистка. 5. Васильцова. 7. «Сестры». 8. Панова. 9. Сорго. 11. Сцена. 15. Быкова. 16. «Работница». 18. Яблочкина. 19. Балерина. 20. Ангелина. 21. Ганна. 23. Наряд. 28. Станс. 29. Данте.

В этом номере на вкладках: репродукции картин М. А. Бирштейна «День выборов в тундре», Н. А. Сысоева «Всенародный праздник», М. С. Сарьяна «Гора Арарат вечером», У. Тансыкбаева «Родной край» и четыре страницы цветных фотографий.

МЕДВЕДЬ И ЭЛЕКТРОПИЛА

Цэрэн БАДМАЕВ

(Шутка)

Медведь, круша деревья, шел тайгой
И человека увидал с пилой.

Потом вокруг раздался звон такой,
Что стал «хозяин леса» сам не свой:

Могучий зверь в берлогу побежал,
Он спотыкался, падал и дрожал,

И так устал бедняга, так устал,
Что, говорят, всю зиму отдыхал!

Перевел с бурят-монгольского
Николай ГЛАЗКОВ.

Рисунки А. Каневского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 00625. Подп. к печ. 9/III 1954 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 237. Заказ 621. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ЗИМНЕЕ УТРО.

Фото М. Ананьина.

Цена номера 3 руб.